Умереть нельзя выжить



Ксения Уфимцева

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ксения Уфимцева
Умереть нельзя выжить

https://litres.ru/74715653
SelfPub; 2026

Аннотация

ЗАКРЫТАЯ ТЕРРИТОРИЯ. СЕМЕРО БЫВШИХ ДРУЗЕЙ. ОДИН УБИЙЦА. НИКАКИХ ПРАВИЛ.

Их собрали здесь под предлогом примирения. У каждого — свои грехи, свои страхи и что-то, что они прячут друг от друга. Но хозяин этой игры подготовился лучше всех. Для него это не встреча — это финальная глава.

С первой же ночи понятно: выбраться нельзя. Можно только бежать. Доверять — смертельно. Ошибиться — значит умереть.

Это не детектив, где нужно найти убийцу. Это хоррор на выживание, где убийца уже нашёл тебя. Поставь запятую в названии сам: умереть нельзя, выжить — или наоборот. Это твоя жизнь. И только тебе за нее бороться.

Ксения Уфимцева
Умереть нельзя выжить

Предисловие

Вырезки городской газеты.

17 февраля.

«Ушла в школу и не вернулась в Ленинском районе девочка двенадцати лет, на вид около четырнадцати. Была в черном пуховике и зеленой вязаной шапке, рюкзак зеленый с брелком в виде лягушки. Особые приметы – шрам под лопаткой. Вознаграждение за любую информацию…»

31 марта.

«Разыскивается Света Леонова. Ушла из дома в двенадцать часов дня в школу и до настоящего времени не вернулась.»

27 мая.

«В городе пропал ребенок. Лена Панова тринадцати лет. Ребенок прожил в этом городе три месяца, могла заблудиться. Одета была в легкую курточку синего цвета, футболку с Микки-Маусом, джинсы и кроссовки. Каждому, кто имеет представление о месте нахождения, просьба сообщать по номерам телефонов…»

8 июля.

«Пропала с детской площадки девочка, Олеся Самойленко. До настоящего времени местонахождение неизвестно.

Приметы: голубые глаза, брюнетка, лицо круглое, высокие скулы, над правой бровью родинка. Телосложение худощавое…»

15 августа.

«Владельцем завода станет неизвестный предприниматель, ранее приобретший контрольный пакет акций молочного завода, а также выкупивший несколько ключевых предприятий города…»

Глава 1

Ей опять снился тот же самый сон.

Маленькая девочка вылезла в окно, стараясь не создавать лишнего шума. Родители уже точно спали, но вот бабушка засыпать явно не собиралась, возрастная бессонница давала о себе знать. Из под щели тонкой двери пробивался еле заметный свет от лампы для чтения. Наверняка Ба, как они называли ее с братом, читала на веранде в окружении комаров, мошкары и прочей кровожадной гадости, окутанная легкой дымкой постепенно превращающейся в пепел спирали от насекомых.

Девочке была отведена маленькая комнатка на первом этаже садового домика на самой окраине садоводческого хозяйства - гордость отца, приобретенная им лет 5 назад, практически сразу после рождения Анны. Со временем маленькая развалюшка из прогнивших досок превратилась в небольшой добротный домишко, в котором хватало места

всем. Маминой же гордостью был сад. Огромный, по меркам Анны, участок мама с помощью вездесущей бабушки пропалывала, высаживала что-то новое, вырезала старое, пересаживала, если с ее точки зрения несчастному кусту было не место среди своих сородичей другого вида. Но все это Анну не касалось.

После того, как она, искренне желая помочь, вытоптала полгрядки укропа и участок с базиликом, ее на метр не подпускали к посадкам, что казалось ей крайне обидным, но очень удобным, и, по-честному сказать, девочку это абсолютно не огорчало. В свои семь с небольшим лет, она уже почувствовала воздух свободы, конечно, не такой, как у старшего брата, но и ее перемещения никто давно уже не ограничивал. Родители считали, что ребенку здесь ничего не грозит, абсолютно ничего. Оно и правда. Что может грозить девочке в садовом товариществе, где летом не пустует ни один дом, где постоянно слышны детский смех и гогот уже подрастающего поколения, где все знают друг друга не только в лицо, но и всю подноготную.

Единственное место, куда не допускался никто младше 10 лет, - это заброшенная шахта, в которой уже давно не велись работы. Разумеется, огораживать территорию, ставить хотя бы временную охрану в виде сторожа, никто не считал нужным. Поэтому, не смотря на запреты, там постоянно проводили время дети всех поколений, различие было только во времени суток, в которое они там находились.

Но родители Анны даже не беспокоились на этот счет. Чтобы дойти до шахты, маленькой Анне пришлось потратить не меньше часа. С их точки зрения, девочка быстро потеряла бы к этому интерес. Но это было не так. Взрослые даже не подозревали, что сегодня у Ани с ее новой подругой Светой было запланировано приключение. Очень интересное и захватывающее. Света была того же возраста, что и Аня, поэтому, все глупые с точки зрения старшего брата Ани, развлечения, она поддерживала безоговорочно.

Сегодня они были разведчицы. Бесстрашные и смелые. Выбор данного амплуа был неслучаен. Всему виной был иностранный фильм, записанный на видиокассету, которую Анин брат забыл видеомагнитофоне. Нечто страшное, захватывающее и кровавое. За свою забывчивость Тимур был строго наказан родителями, но было уже поздно, девочки увидели, как отважная шпионка в одиночку спасла мир от страшной войны, выкрав секретные документы из вражеского тыла.

Ане так понравился этот образ, что она тут же предложила своей подруге посмотреть, а не замышляют ли чего подозрительного и опасного ее брат и его друзья. Уж очень часто он со своими друзьями куда-то уходит, и возвращается только под утро, а ведь приличные люди в это время уже спят! Нет ли в этом какого-то страшного заговора. Света сразу же согласилась, что это очень подозрительно, и предложила последить за Тимуром и его командой, как называли эту ком-

панию все соседи. Кстати, тоже очень подозрительное название. Именно слежкой они и занимались целых два дня, и сегодня днем им выпала огромная удача, они наконец-то узнали, где собирается вся эта компания. На старой шахте.

Света предложила проехать туда и подслушать их заговор, Аня засомневалась, смогут ли они поздно улизнуть из дома, но подруга ее успокоила, на вопрос о том, как же они будут добираться до шахты, Света не задумываясь ответила, что на велосипедах будет в два раза быстрее, а через лес расстояние можно сократить в три раза.

Молодая женщина с грустью будто бы наблюдала за всем этим со стороны. Если бы она могла помешать происходящему, все было бы по-другому, не было бы этих, повторяющихся из ночи в ночь кошмаров, после которых она просыпалась в холодном поту, но нет, это было не в ее силах... Она могла только раз за разом наблюдать за ночью давно минувшего года.

Аня аккуратно выкатила велосипед, представляя, что толкает перед собой супер мощный мотоцикл, как у той разведчицы из фильма. Вот она и у кромки леса, где ее уже ждала ее верная боевая подруга с розовым рюкзачком, из которого торчала бутылка с морсом. Как они и договаривались, сегодня Света собирала провиант, который им наверняка пригодится в их нелегкой миссии. Если бы они предполагали что их ждет впереди, и та, и другая ни за что бы на свете не встали бы со своих постелей. Но это тот возраст, когда самое

страшное, это страшный монстр неустановленной внешности, живущий в чулане или под кроватью... Большая ошибка детства, думать, что с тобой ничего не случится, солнце будет греть тебя еще долго, а бабушка по утрам встречать на уютной маленькой кухне с горячими тонкими блинами или пышными оладьями.

- Как много комаров, - недовольно заметила Света, ударив себя по шее, прихлопнув уже отужинавшего кровопийцу. - Ты взяла что-нибудь от насекомых?

Аня была вынуждена признать, что нет, припастись антикомарином ей даже в голову не пришло. Света только беззаботно махнула рукой, дескать, ну и ладно, прорвемся. Зато Аня не забыла огромный фонарь, принадлежащий брату и подаренный ему отцом на день строителя. Праздновался этот день в их семье свято, и дед, и отец Ани были строителями, и Тимур тоже в этом году поступал на архитектурно-строительный факультет университета, находящегося в столице их области. Ане на секунду стало грустно, ведь хоть ее брат и страшный зануда и грубиян, они больше не будут столько видеться, он уедет, будет жить в большом городе, и приезжать будет только по праздникам, если вообще будет. Ведь взрослая жизнь она такая.

- О чем задумалась?- спросила подруга, крутя педалями.

- Ни о чем,-промолчала Аня, не желая делиться сокровенным и тайным неожиданно проснувшемся чувством любви к старшему брату. Это чувство было новым даже для нее са-

мой. - А мы правильно едем?

Аня спохватилась, глядя на часики с подсвечивающими стрелочками, страшная роскошь и дефицит, подарок брата, который он привез ей из Болгарии, в которую ездил по путевке вместе с классом.

Конечно же они заблудились. К шахте они выехали уже тогда, когда молодая компания уже ушла оттуда, оставив только несколько керосиновых ламп.

Аня предложила проверить, не оставили ли они какие-то зашифрованные письма или карты. Света поддержала ее. Девочки прокрались сквозь охранные посты, прошли коридор с опасными лазерными ловушками и вот, они были у цели. Как не странно, одна лампа горела. Прямо у входа. Но никого не было.

Это придало девочкам смелости. Они прошлись, разглядывая все вокруг, но, ни зашифрованных карт, ни сообщений найдено не было. Расстроенные они уже повернули обратно, и увидели, что у выхода кто-то стоит.

-Кто тут? – воскликнула Света.

Ответом ей была тишина. Лампа погасла. На девушек накатила волна дикого страха. И не зря.

***

Молодая женщина резко открыла глаза. Она уже давно не вскакивала с постели, как это было когда-то, но горло побаливало от немого крика. Повторяющийся сон с одними и теми же составляющими уже стал частью ее жизни. Он при-

ходил уже не каждую ночь, но с определенной периодичностью, которую она не хотела отслеживать.

Часы показывали 5 утра. Что ж. Уснуть ей уже не удастся. Поэтому стоит встать и закончить приготовления к поездке.

Когда кофемашина, установленная на просторной светлой кухне варила кофе, она была уже полностью одета, свежа и бодра.

Высокий широкоплечий мужчина с изуродованным лицом лениво вошел на кухню.

-А мне кофе есть? – задал он первый вопрос.

- И тебе доброго утра, - чуть наклонила она голову, подставляя макушку под поцелуй. – Кофе в кофеварке. Тосты на столе. Все для вас.

- Благодарю.

Он сел напротив нее, предварительно растрепав практически белые прямые волосы своей собеседницы. Она лениво поправила их, даже не подняв красивых голубых глаз, под которыми давно уже залегли черные тени, на него.

- Плохо спала?

- Ты слишком наблюдателен.

- Может тебе не стоит ехать?

- Как? И пропустить все веселье? Ну уж нет, мой дорогой, куда ты, туда и я… По местам боевой славы и прекрасных добрых воспоминаний.

- Тебе совершенно не обязательно туда ехать, - заметил он.

- Это твое мнение, я считаю по-другому.

- Упряма как всегда?

- Это моя уникальная черта, которая делает меня крайне очаровательной, не находишь? – мило улыбнулась девушка.

- О да, несомненно.

Они в молчании посидели минут пять. Каждый думал о своем.

- Как ваше вчерашнее банное совещание?

- Тимур не хочет отдавать свои акции.

- Ты предложил хорошую цену?

- Достаточно хорошую. Я бы согласился, если бы мне предложили такую стоимость.

Мужчина назвал сумму, и девушка присвистнула, задумчиво почесав за ухом.

- Ты слишком щедр.

- Думал, такая сумма его образумит.

- Что говорит?

- Говорит, что ему нравится всех нас держать за яйца.

- Да что ты, каков извращенец, хотя, что бы еще от него ожидать, любитель яиц… У него после этих слов все цело?

- Не совсем, - уклончиво ответил мужчина.

- Это мой тебе подарок, - протянула она ему два пухлых конверта под документы формата А-4.

- И что же это? – поинтересовался он.

- Я же тебе говорила, я решаю проблемы иначе, чем ты. В одной пачке документы, подтверждающие неоднократный уход от уплаты налогов, государству причинен вред в особо

крупном размере, этого вполне достаточно для того, чтобы против него завели уголовное дело. Схемы, обнал, подставные конторы, кстати, не сказала бы, что схемы очень хитрые. Ему не особо то достает фантазии, все сделано грубо, топорно и некрасиво. И, ты не поверишь, переписка с его личного компьютера с одним высокопоставленным государственным чином, который за определенную сумму благодарственной мотивации соглашается на компромисс в виде отсутствия налоговый проверок в отношении него и его контор. Кстати, мелочен стал наш чиновник, откат не особо впечатляющий. И поверь, я могу устроить общественный резонанс, минимум три блогера и четыре газеты готовы опубликовать эти материалы за исключительно символические суммы. И никакие властьимущие друзья ему не помогут. Тем более, если станут известны материалы из второго конверта.

- Материалы выездных налоговых проверок ничего не показали? – уточнил мужчина.

- Проверки были, но бедным налоговикам очень быстро подрезали крылышки. Бюрократия и коррупция, мой дорогой.

- Доказательства?

- Доказательства бюрократии и коррупции? – уточнила девушка. Мужчина кивнул. – Ну нет, анонимные источники, не пожелавшие быть названными.

- А за финансовое стимулирование, и определенные соц гарантии?

- Какие, например?

- Предложим место работы.

- Чтобы они, когда им станет это выгодно, сдали со всеми потрохами тебя и пару твоих компаньонов?

- Найти другие источники информации?

- Остальные только исполнители, им как скажут, так они и делают. Скажут закрыть глаза на правонарушение, закроют, скажут пойти на должностное преступление – пойдут. Круговая порука в действии.

-А во втором конверте у нас что?

- О, это ты можешь посмотреть сам, – улыбнулась она.

Мужчина открыл конверт и засмеялся.

- Откуда это у тебя, Милана? – задал он вопрос, разглядывая фотографии, распечатанные на обычном принтере.

- Ты даже не представляешь, где у меня есть друзья, и какой у них моральный облик и уровень социальной ответственности.

- Не бесплатные, я полагаю.

- Разумеется. Дружба такого рода это всегда не бесплатно.

- Это кто, жена главы дорожного департамента?

- О, это не так интересно, посмотри еще дальше, там есть племянник одной очень крупной персоны. На сколько я знаю, эта крупная во всех отношениях персона славится своей нетерпимостью к представителям сексменьшинств. Наш дорогой крупный яйцедержатель оказывается разнообразен в своих сексуальных предпочтениях.

- Не то слово. Вот только неразумен в выборе партнеров.

- Зато, наверно, предполагается, что это безопасно для здоровья. Да с партнерами это пол беды… Крайне неразумен в выборе мест, где можно предаться сладостным утехам. Потереться небритой щекой о небритую щеку, так сказать.

- Как интересно к этому отнесется его жена.

- Не имею ни малейшего понятия, но точно знаю, что она не в курсе, что у нее не соперница, а соперник. Тут уж конкуренцию ей будет сложно поддерживать. А в целом, как я поняла, в наличии у дорогого супруга кого-то на стороне, она в курсе.

- Дорогая моя, я подарю тебе эти акции.

- Оставь их себе. Мне вполне хватает лесопилки.

- Как, кстати, дела на ней?

- Миш, к чему ты спрашиваешь? Ты и так все знаешь, - усмехнулась Милана.

- Хочу услышать от тебя.

- Твои бесконечные аудиторские проверки меня и моего главного бухгалтера уже утомили.

- Зато я точно знаю, что у тебя все в порядке. Кстати, мне вот интересно, почему ты ничего не утаиваешь от налоговой?

- Зачем? – пожала девушка плечами. – Мне хватает и на бизнес, и на развитие. Думаю, не пустить ли линию по производству резной мебели… Так сказать, безотходное производство.

- Разумно. По возвращению, обдумаем этот вопрос.

- Хорошо. Только, надеюсь, ты понимаешь, что твое мнение в этом вопросе мало значит. Будет так, как я решу.

Милана мило улыбнулась, обнажив ровные белые зубки.

- Конечно. А что на личном фронте, погибшие есть?

- Только раненые и контуженые, - в ее голосе прозвучали стальные нотки.

- Милана, я должен знать, тебе не кажется?

- Нет, не кажется. Но чтобы тебе стало легче, могу сказаться тебе, что слухи о моем блядстве и алкоголизме сильно преувеличены.

- Тебя видели со стриптизером, - ласково улыбнулся Михаил.

- Твоей секретарше пора укоротить несравненно длинный язычок. Я была с Глебом. А из него любовник, как из меня балерина, попытаться можно, выйдет не долго и слегка позорно, что больно ранит мою самооценку в первую очередь. Вся сила в мышцы ушла. Но выпить с ним забавно. И поговорить на волнующие темы.

- Это какие?

- Разные… Есть жизнь на Марсе – нет жизни на Марсе, - уклончиво ответила Милана.

- И? - с интересом обратился Михаил.

- Пришли к выводу, что это за 50 с лишним лет ничего не изменилось, науке все еще не известно.

- Аргумент. Это ж сколько нужно было выпить?

- Ну, достаточно.

- Витрину зачем разбили?

- Нам понравился медведь. А магазин был уже закрыт.

- Да, я видел, как вы старательно тащили плюшевого медведя, размером с Глеба по улице.

- Было весело, не так ли.

- Милана…

- Слушай, все и так считают, что я алкоголичка, блядь и ненормальная. Так зачем же их переубеждать? Зато пищу для разговоров периодически нужно давать, заняты этими сплетнями, не лезут в другой. Как ты думаешь, почему хозяин магазина даже не попытался вызвать полицию?

- Ты с ним договорилась? – удивился Михаил.

- В некотором роде. Я развлекаюсь, но так, чтобы не перебарщивать.

- Не боишься доиграться?

- У меня есть ты, и я всегда знаю, что ты меня прикроешь, - беззаботно пожала плечами Милана. – Кстати, что с моей квартирой?

- Ремонт почти доделан. Ты сможешь въехать сразу же по возвращению из нашей увеселительной поездки.

- Это радует.

- Ты так хочешь съехать?

- Мне неприятна мысль, что я могу мешать твоей личной жизни.

- Загнула.

- Перефразирую. Я считаю неправильным то, что тебе приходится прятаться со своими дамами по гостиницам.

- Ты думаешь, что не будь бы тебя, я хоть одну бы привел в свою квартиру?

- Ну, может найдется одна единственная?

- Милана, эти разговоры уже не нравятся мне.

- Око за око, мой дорогой. Ты не лезешь ко мне, я не лезу к тебе. Едем?

- Повторю вопрос еще раз. Не для того, чтобы обидеть, для того, чтобы напомнить. Мы едем в небольшой городок с отрицательной демографической ситуацией и раздутым слоем социально незащищенного населения. Это не наш город. Красот и развлечений не так много.

- Я знаю, куда я еду. Не волнуйся. Круглосуточные наливайки там точно есть. А больше мне ничего и не надо.

Михаил слишком хорошо помнил тот скандал, который закатила Милана, услышав, что он хочет поехать в город, в котором родился и вырос, который пережевал и выплюнул его на обочину жизни. Однако, девушка после этой новости достаточно быстро отошла, но не на долго, следующей шокирующей ее информацией было его заявление, что он поедет туда один. Забыть этот памятный день не давало и коричневое пятно, расползшееся по выкрашенной стене кухни, оставленное разбившейся кружкой с недопитым кофе, не очень метко выпущенной ему в голову. После этого разговор шел на повышенных тонах уже с обеих сторон, и это,

не смотря на всегда безупречную выдержку Михаила. Было разбито еще несколько предметов сервировки, но необратимых последствий все же не было. В тайне Михаил был рад, что вся техника на кухне была встроенная.

За три месяц так никто и не удосужился закрасить кляксу. Через полчаса после ссоры Милана затерла пятно мокрой тряпкой и, критически рассмотрев дело рук своих, с независимым видом сказала, что кухне и так уже давно требуется освежить стены. Михаил был с этим не совсем согласен, но, опасаясь новой ссоры, сопровождаемой битьем хрупких предметов, удрученно кивнул головой, соглашаясь с необходимостью ремонта.

Все последующее время до дня, назначенного датой выезда, они собирались уже вместе. Не смотря на дурное предчувствие Михаила, о том, что багаж расширится не в два, а раз в пять, Милана подошла к этому вопросу очень практично. В принципе, в этом плане пожаловаться на девушку было нельзя, она никогда не таскала с собой отягощающий груз, и лишнего не брала. Проблемы ходить в одном и том же спортивном костюме Сам процесс сборов не отличался от приготовлений к обычным для них поездкам за границу, так же они сначала обсудили план действий, так же составили список необходимого. Только вот содержимое сумок значительно отличалось от их привычного скарба.

Михаил обвел взглядом прихожую, вдоль стены которой грустно выстроились две спортивные сумки средних разме-

ров. Одна принадлежала ему, другая – Милане, в которых помимо одежды и личных предметов лежало по небольшому кейсу, содержание которых, потянуло бы на внушительные проблемы, если бы хоть на один из предметов содержимого отсутствовало бы разрешение, а оно, разумеется отсутствовало.

Телефон Михаила зазвонил, заставив их обоих вздрогнуть из-за резкого звука в воцарившейся тишине. Посмотрев на экран, мужчина кивнул своим мыслям и, сбросив звонок, подхватил сумки, перебросив одну из них через плечо. Жестом Михаил предложил девушке открыть дверь и посторонился, давая ей возможность выйти первой.

В лифте они спускались молча, стараясь не нарушать личное пространство друг друга, каждый думал о своем.

То, что эта поездка когда-то произойдет, Милане было ясно уже давно, с того дня, когда на кухонном столе увидела внушительных размеров папку, в которой были собраны документы на приобретение нескольких объектов недвижимости в далеком зауральском городе, а так же уже оформленные выписки на получение в собственность птицефабрики, пастбища с животноводческим хозяйством и хлебзаводом. Милана была уверена, что были бы там металлургические предприятия, Михаил вывернулся бы, но приобрел и их.

Теперь они ехали в город, в который финансово полностью принадлежал Михаилу. Царь ехал на свои угодья, однако холопы о приближении ревизора и хозяина не знали.

На подземной стоянке, расположившейся сразу же под тридцатиэтажным домом, их уже ждал начальник службы безопасности корпорации, генеральным директором которой, а так же держателем основного пакета акций, являлся Михаил. Ему принадлежало шестьдесят процентов, тридцатью пятью вполне успешно владела Милана и оставшиеся пять процентов бодро были раскиданы между мелкими акционерами. Так или иначе, конечными бенефициарами группы компаний, составляющих единую технологическую цепочку производства так же являлись они, но не явно.

На вид безопасник был ровесником Михаила, внешне они тоже неуловимо были похожи. И дело даже не в каком-то внешне ярком сходстве, как, например, линия подбородка или всегда сжатые в одну линию тонкие губы. Нет. Дело не в этом. От них обоих веяло силой и мощью, не смотря на кажущуюся расслабленность. Но, в общем-то на этом их сходство заканчивалось. Брюнет Михаил, обладающий яркими карими глазами в обрамлении черных ресниц, на голову возвышался над начальником службы безопасности, но голубоглазый шатен не уступал боссу в ширине плеч, и, имея хоть и явный проигрыш в росте, выглядел более тренированным, чем Михаил, хотя того доходягой мог назвать только разве что слепой.

- Машина готова, Михаил Александрович, - сухо, будничным тоном, проигнорировав Милану, сказал он.

- Спасибо, Стас, - мягко улыбнулся Михаил.

- На поезде было бы удобнее, - прокомментировал тот предстоящую поездку, - на самолете быстрее.

Конечно, не стоило удивляться тому, что он в курсе мест, в которое они едут, однако, Милана была уверена в том, что истинные мотивы их поездки остаются для него тайной за семью печатями.

- Не люблю чух-чух транспорт - даже не стал спорить Михаил. – Кроме того, давно не проводили время с Миланой вдвоем.

Сумки аккуратно были размещены в багажном отделении большого внедорожника американского производства, больше похожего на военную технику, чем на автомобиль.

- Вам виднее, Михаил Александрович, - не стал разводить тему дальше Стас.

И он принял правильное решение. На сколько Милана была знакома с характером Михаила, перегибать палку в случаях, когда он уже принял какое-либо решение, не рекомендовалось. Последствия могли быть самыми разнообразными. Михаил увидел то, что он оказался понятым с полуслова, сделал заметку для себя и остался доволен поведением подчиненного сотрудника.

- Не смею вас больше задерживать, - не смотря на сарказм в тоне, позволительный в данной ситуации, Стас вполне дружелюбно пожал протянутую руку босса.

Милана не стала дожидаться развязки разговора и еще в самом его начале заняла пассажирское сидение рядом с во-

дителем. За их беседой она предпочла наблюдать со стороны в боковое зеркало, предусмотрительно оставив дверь открытой для улучшения прослушивания.

Вскоре на место водителя сел сам хозяин, не доверявший руль этого транспортного средства никому, даже водителю, который в рабочее время его всюду сопровождал. К данному автомобилю он относился крайне ревностно, только Станиславу позволялось провести техосмотр и общую подготовку машины. Стекло со стороны водителя было полностью опущено. Стас оперся на него и встал так, что его лицо оказалось на уровне лица девушки, что ей не очень сильно импонировало.

- Милана Юрьевна, удачной поездки вам, - при этих словах его лицо ничего не выражало. Скорее это была дань вежливости, нежели пожеланием от чистого сердца или заинтересованностью ее судьбой. В конце концов, обижаться на его за это Милана не могла, основным нанимателем был Михаил, он же шла как дополнение.

- Спасибо, - сухо ответила девушка. – И вам тут не скучать.

- Всенепременно, - кивнул мужчина и обратился к боссу, мазнув незаинтересованным взглядом по девушке. - Звоните, если что. И я, и ребята по необходимости подъедем, в кратчайшие сроки. На месте тоже найдем определенные ресурсы.

Это вообще был верх проявления не просто вежливости,

но и заботы к зарплатоплатящему, которые, по глубокому уразумению девушки, просто не свойственны этому человеку.

- Стас, проще считать это командировкой, совмещенной с отдыхом.

Милана удивилась про себя, обычно он никогда не лез в карман за словом, подтверждением, обоснованием. С другой стороны, это никогда и не нужно было, такой настойчивости за всю жизнь никто, кроме, пожалуй, нее, не проявлял.

- Звони, если что, - повторил безопасник и, засунув руки в карманы, сделал несколько шагов назад, отойдя от машины и давая ей место для маневра.

Михаил автоматически поднял стекло и выехал со стоянки, оставляя позади и Станислава, и спокойную размеренную жизнь Миланы, которую она в принципе уже привыкла вести.

В зеркало заднего вида она еще долго, пока могла, наблюдала за ним, стоящим широко расставив ноги и держа руки в карманах брюк. Фигура, одиноко стоящая на стоянке, не изменила своего положения до тех пор, пока машина не выехала окончательно, исчезнув за поворотом.

- Я ему не нравлюсь, - констатировала девушка.

- Напротив, - не соглашаясь с ее суждением, покачал Михаил головой, при этом ободряюще улыбаясь. – По мне так я вообще считаю, что он питает к тебе достаточно нежные чувства. Если бы он мог точно определиться с нашими с то-

бой отношениями, то по кабакам ночью ты бы уже не шлялась с кем попало.

- Вот и славно, что ничего он не знает.

- Как мне кажется, это не совсем правда.

- Ты верно заметил, что тебе это кажется.

- И почему же?

- Я всегда права.

- Самоуверенное утверждение.

- Ты же знаешь о моих лучших качествах, которые должны присутствовать в каждой девушке: красота, ум, и, главное, скромность.

- Особенно скромность занимает в твоем списке положительных черт основное место.

- Я бы не повернулась к нему спиной.

- Ты чувствуешь в нем соперника или угрозу?

- Возможно.

- Возможно что?

- Просто я ему не доверяю. А ты ему доверяешь?

- Практически полностью.

- Но все же не во всех вопросах, - попеняла девушка.

- Не во всех, все ему знать совершенно не обязательно. Для этого у меня есть ты.

- И все же я его боюсь, и не доверю ему свою спину.

- Надеюсь, это и не потребуется, - при этих словах пальцы, доселе спокойно обхватывающие руль, судорожно сжались, но мужчина быстро пришел в себя и успокоился, костяшки

пальцев приняли нормальный цвет.

Милана тяжело вздохнула и отвела взгляд, уставившись в окно внедорожника на город, проносившийся перед ними. Радует, что эта самая рука уже так редко подрагивала в нервном треморе.

Впереди их ждали долгие два дня пути по дорогам России, ночевки в самых лучших, насколько это возможно, придорожных гостиницах, заполненных дальнобойщиками и туристами, путешествующими автомобилями, или по возможности, отелями внутри проезжаемых городов.

Ни мужчина, ни его молодая спутница даже не представляли, во что они окажутся впутанными. И кто знает, может, если бы они хотя бы на минуту представили себе тот ад, в который они окунутся с головой, рискуя не вынырнуть для спасительного глотка воздуха, никакой поездки бы не было.

Тем не менее, успешный и наиболее безопасный в своем классе результат заграничного автопрома вывозил Михаила и Милану за пределы города по направлению на северо-восток, к городу, находящемуся за хребтом Уральских гор в непроходимой чаще лесов и великолепия гор.

Глава 2

Затемненная комната, трое: нетрезвая женщина и двое мужчин, сидящие напротив друг друга. Комната находится на втором этаже элитного клуба, с нижнего этажа доносится грохот музыки, в комнату иногда заглядывает официант,

приглашенный по телефону, стоящему на столике.

- Иди проспись! – злобно прошипел блондин с красивым лицом и с силой столкнул со своих колен уже давно не трезвую женщину неопределенного, благодаря тоннам косметики, возраста, но оттюнингованную по последним модным тенденциям, принятым в периферийном городе, которая пыталась на них устроиться с максимальным для себя комфортом.

- Милый… - затянула плаксивым голосом обиженная девушка, продлив в своем обращении все гласные. – Ты сегодня такой грубый! Ну, давай я тебя успокою. Тебе же нравится как я тебя успокаиваю! Ты хочешь, чтобы я тебя успокоила?

Она томно взглянула на него из под нарощенных ресниц размера неизвестно сколько XL и провела, как по крайней мере она сама была уверена, соблазнительно языком по губам. Блондин молчал, смотря с высоты своего роста на растянувшуюся у его ног девушку. Она восприняла это как согласие и сделала героическую попытку взобраться на покинутый боевой рубеж, но не удержалась на ногах и неуклюже рухнула обратно.

- Лейла, девочка наша ненаглядная, - пропел приятным баритоном второй мужчина, его голос успокаивал не хуже голоса профессионального психоаналитика, только интонация и спасала оставшуюся гордость девушки от унизительных слов. – Ты бы пошла домой, проспалась. А то Толику

нет настроя с тобой сегодня возиться, а ты как неваляшка: встаешь и падаешь, встаешь и падаешь, уже бы зафиксировалась в каком-то положении.

- А тебе? – тут же постаралась перестроить флюидную волну девушка, но попытка канула в небытие, когда Анатолий намотал жесткие испорченные постоянным посещением парикмахерских не с самым надежным оборудованием волосы Лейлы на кулак и резко дернул на себя.

- Иди вон, дура! – рявкнул он ей в лицо.

- А что мне за это будет? – попыталась сторговаться она, но ответом ей была тишина, тогда она уточнила свои пожелания. – Хочу машину, фольцваген поло.

- Ты совсем нездоровая? – зашипел Анатолий. – Я уже битый час говорю о том, что я – банкрот. Понимаешь? Ноль! Отец – банкрот. У нас нет больше завода, и мне, ты понимаешь, мне! Придется искать работу. Мне придется работать! И тебе тоже.

- Котик, я не понимаю, - обижено надула Лейла губки с искусным татуажем. – Ты что, не одаришь свою принцессу? Я буду плакать!

Из ее горла действительно вырвался всхлип, и губы задрожали, но, испортив всю мини театральную постановку спектакля из одного актера, предательски вырвалось икание – последствие перебора с шампанским.

Лицо Анатолия брезгливо скривилось. Он смотрел на женщину и не мог понять, что она тут вообще делает, что

он тут делает. Неизвестно, чем кончился бы разговор, если бы вновь не вмешался второй мужчина, старательно сдерживающий слова и смех. Было видно, что он искренне потешается и над ситуацией, и над девушкой. Судя по всему, она вообще для него была инородным предметом, но так иногда необходимым для поднятия настроения. Это замечали все, кроме Анатолия, неизвестно зачем таскавшего за собой повсюду это недоразумение женского пола.

- Лейлочка, Толик имеет в виду, что удовлетворение твоих запросов сейчас для него крайне обременительно, и уж точно не самоцель его существования. Так что собери все свои силы в кулак, и как жена декабриста постарайся перенести все эти тяготы и лишения.

- Он что, не купит мне машину? – удивленно вскинула вытатуированные, становящиеся уже зелеными, брови Лейла.

Мужчина закатил глаза к потолку и подавил смешок, грозящий вырваться наружу. Весь его маленький экскурс в прошлое, отражающий героическое самопожертвование женщин во имя института брака и верности супружескому и общечеловеческому долгу, прошел зря. Он даже не был уверен, что она его слышала и поняла хоть слово из сказанного им.

- Суть ты уловила правильно. Боюсь, что нет, не купит, - сокрушенно с наигранным сочувствием покачал головой собеседник, опустив глаза на оголившуюся в результате тщетных попыток покорить заветную вершину под названием «колени», часть тела. К слову сказать, если не обращать

внимание на лицо и явное отсутствие хоть каких-то глубоких мыслительных процессов в голове этого создания, все остальное было просто выше похвал. Но вот только никакого желания от того в нем не появилось, так, приятное зрелище.

Смешанный с иронией взгляд, полный холодного и беспардонного любопытства, друга к своей девушке не ускользнул от внимания Анатолия, что не добавило ему хорошего настроения.

- Вали отсюда, - буркнул он, глядя на Лейлу.

Сегодня у него как будто открылись глаза на нее. То, что раньше казалось забавным, сейчас выглядело омерзительным. Теперь, глядя на нее, вспоминая, что между ними было, у него возникало зудящее желание помыться, причем с жесткой мочалкой и большим количеством мыла, самого термоядерного. У него даже не всплыло в памяти, что, собственно, это он сам виноват в том, что Лейла стала такой. Когда они познакомились, она была простой среднестатистической абитуриенткой. Но благодаря его деспотичному влиянию, отсутствию у девушки силы воли, она превратилась в то, чем она на данный момент являлась, в то, что вызывало у него омерзение.

- Да что ты, в конце концов, со мной так разговариваешь?! – неожиданно взбунтовалась гордость у Лейлы, видимо, сказалась горячая кровь кого-то из предков смуглой девушки.- Я не на помойке себя нашла!

- Ты уверена? – холодно спросил он, прервав ее словесный

поток. – Мне так кажется, что именно там.

- Уж по крайней мере, не грязнее, чем ты. Или ты хочешь с этим поспорить?

- Нет, - в Анатолии вспыхнул гнев, который было видно невооруженным взглядом, и если бы Лейла была бы немного внимательнее, то разгорание этого костра, рискующего превратиться в пожар, она не допустила, но алкоголь не позволил вовремя повлиять на ситуацию. У него появилось желание впечатать ее лицо в стену и повозить пару минут, глядя, как на шершавой отштукатуренной поверхности, сначала появятся разводы тонального крема, помады яркого оттенка, и как постепенно к этому начнет прибавляться кровь из разбитого лица. От такой фантазии у него зачесались руки, но он переборол себя, выдавив только одну фразу. – Ты – хуже, ты – грязь под моими ногами, которой я плачу за секс, плачу хорошие деньги, в качестве благотворительности. Так что сама, своими куриными мозгами, попытайся додуматься, что ты для меня. Лучше бы эти деньги на бездомных собак тратил.

Сидя на полу, Лейла испугано смотрела на своего парня. По крайней мере, для себя, она называла его именно так. Ссора приняла крайне опасный поворот. Если она сейчас промолчит, то он точно смешает ее с грязью, не дав опомниться, и тогда, уважать себя она перестанет сама. Если продолжит конфликт – останется с голым задом, причем практически буквально. Ее точно не устраивала перспектива вер-

нуться в коммуналку в шахтерском районе, выехав из комфортабельной квартиры, которую для нее последние два года снимал Анатолий. А понимания того, что скоро эта кормушка прикроется совсем, пока не было.

- Милый, - мяукнула Лейла из под его ног. – Я же всего лишь пошутила. Шутка такая. Хотела поднять тебе настроение, ведь ты такой грустный в последнее время.

- Иди проспись, а потом подумай, как лучше и когда лучше шутить, - казалось, остыл мужчина.. – И юбку одерни, смотреть противно.

- Лейлочка, ты бы правда, того, домой бы поехала, а… - поддержал друга второй участник этого представления.

Спиртное немного замедлил ее реакции, потому как она еще пару секунд с глупым выражением лица смотрела на обоих, но потом, неловко одергивая юбку, стараясь натянуть ее как можно ниже, встала.

- Да, конечно, я уже! – ватные ноги ее плохо держали, абсолютно не слушались и жили своей собственной жизнью.

Стараясь не упасть и держать координацию, она прошествовала к столику, на котором лежал ее клатч. Ее попытки сохранить равновесие не ускользнули от внимания Анатолия.

- Сумку дай, - холодно потребовал он.

Девушка ошарашено уставилась на него с выражением полного непонимания на лице. Со стороны это смотрелось как результат гипнотического действия удава над кроликом,

и для Лейлы в этом представлении выпала роль ушастого зверька. Она стояла, прижав сумочку к груди, будто это была самая важная вещь в ее жизни.

- Сюда. Сумку. Быстро. – повторил он, когда понял, что с первого раза девушка его просьбу не выполнит.

Лейла, испугавшись последствий, которые неминуемо должны были наступить, судя по его голосу, протянула требуемое Анатолию. Тот пошарил в недрах сумки и вытащил за брелок в виде позолоченного краба ключи от машины, демонстративно бросил их на столик между диванами. Если бы не краб, царапнувший клешнями по стеклу, ключи упали бы у ног его друга.

- Ты что? – возмутилась девушка, проследив траекторию полета ключей. – Я на чем, по-твоему, должна домой доехать?

- На такси, или можешь воспользоваться старым и проверенным транспортом – одиннадцатым автобусом.

- Что?

- Толик имеет в виду твои ноги, - любезно разъяснил мужчина, с любопытством разглядывая брелок, подняв его за одну из лапок. – Это значит, ножками, ножками.

- Я знаю, что такое одиннадцатый маршрут, - процедила девушка сквозь зубы. – Это моя машина!

- Нет, это моя машина, - поправил Анатолий как бы между делом. – И если ты ее разобьешь, а ты это в таком состоянии сделаешь, новую покупать будешь сама. Считай, что колодец

желаний пересох. Мы с тобой, краса моя, переходим на новый режим экономии.

- Да, подавись! – не выдержала Лейла и потеряла над собой контроль. Многолетнее унижение дало о себе знать.

В гневе она начала срывать с себя все украшения, в немалом количестве висевшие на руках, шее. Но кольца упорно не хотели слезать с опухших пальцев.

- Попросить, чтобы принесли нож для рубки мяса? – безучастно наблюдая за ее действиями, поинтересовался Анатолий. – Процесс снятия будет проще.

Лейла ни слова не ответила ему на этот выпад. Плюнув на пальцы, она расстегнула все браслеты, добавила к ним цепочки с шеи и серьги, после чего швырнула горсть драгоценностей в мужчину.

Золотые изделия с задорным звоном рассыпались возле Анатолия, второй мужчина, казалось даже, с уважением проводил взглядом удаляющеюся девушку.

- Ну вот, друг, - прокомментировал он ситуацию, - ты сидишь передо мной развалившись на диване, в дорогом шмотье, весь в золоте, аки султан, приятно посмотреть.

- А тебе смешно? - буркнул Анатолий.

- Что ты, как я могу, а ну как гаркнешь свите, и мне голову с плеч, - продолжил ерничать тот.

- Не юродствуй.

- И в мыслях не было, ваше святейшество. А если серьезно, золото сейчас дорогое, сдашь в ломбард, и если скром-

ненько жить, то год протянешь без особых хлопот.

- Премного благодарен за совет. Чем еще, холоп, порадуешь?

- У султанов были рабы.

- О, нет, Антон, ты для меня нечто выше, чем говорящая и жрущая мебель.

- Приятно, черт…

- Рад, что ты рад.

- Да не грузись ты так, - заметил мужчина выражение грусти на лице друга. – Все равно ничего серьезно у вас бы не могло произойти.

- Я на ней жениться хотел.

- Вот это новость. Хотя, она тебе подходит, тупая, слова против не скажет…Подходила, - поправил Антон сам себя.

- Дрянь, - прокомментировал Анатолий.

- Толик, брал-то ты ее хорошую, - напомнил друг, не ясно только, цитату классика или историю развития отношений этих двоих.

- Заткнись.

- Все непременно, - поднял мужчина руки в успокаивающем жесте. – Да не переживай, может сейчас проспится и сама придет.

- Пойду, освежусь, - наконец, выдавил Анатолий и вышел из комнаты.

Отсутствовал он достаточно долго, но вернулся явно в хорошем настроении, с бутылкой виски. Антон с усмешкой за-

катил глаза.

Тем временем, Лейла сбежав по ступеням, старалась не расплакаться. Сделав такой гордый жест, она прекрасно понимала, что обратной дороги нет, и что она пожалеет об этом, причем скорее раньше, чем позже… Где-то утром. Но вернуть все равно уже ничего нельзя было. Поэтому сейчас, почти бегом, на сколько это позволяли длинные тонкие каблучки, она выскочила из vip-кабинета в элитном клубе города. Здесь позволяли себе отдыхать только дети власть имущих города, да дети толстосумов, которыми никогда не были, и уже никогда не будут ее родители. Простым смертным, типа молодежи, работающей в шахтах и на заводах, вход был закрыт даже на парковку.

Помимо нее, в их семье было еще несколько детей, и то, что Лейла стала девушкой сына одного из крупнейших акционеров завода, для ее семьи было большой удачей. Теперь, своими собственными рукой и характером, который она старательно скрывала все эти годы общения с Анатолием и его друзьями, она разрушила уверенность в завтрашнем дне не только своем, но и младших брата и сестер. С другой стороны, она уже не могла терпеть саму себя, эти губы, волосы, прыщавое лицо, которое не могло очиститься из-за несмываемого слоя косметики. Ей так хотелось помыться. И исчезнуть отсюда, из этого места, из этого города. Подальше от запаха паленого алкоголя, нищеты и отчаяния.

Но девушка думала не об этом, ее мало заботили пробле-

мы, неизбежность наступления которых, она предчувствовала буквально со следующего дня. Нет.

Она пронеслась сквозь толпу танцующих, мимо официантов, на манер ледокола, не обращая внимания на охранников, проводивших ее удивленными взглядами.

Лейла была в гневе. Он заполнял каждую клеточку ее тела, почти полностью вытеснив алкоголь. Как же она ненавидела сейчас Анатолия, Антона, город и людей. Эмоции переступили и притупили инстинкт самосохранения. Она даже не почувствовала, что кто-то, когда она неслась фурией через освещенную парковку рядом с клубом, схватил ее сзади и подтянул к себе. Она не закричала, когда чьи-то руки рванули подол платьица вверх, оголив длинные ноги. Тишину ночи прорезал треск ткани, не выдержавшей такого грубого натиска. К такому обращению она попросту не была готова, она не привыкла к нему. Раньше, когда она стала девушкой Анатолия Буряка, никто не мог позволить себе что-то большее, чем косой заинтересованный взгляд. Теперь Лейла пожинала первые плоды своего необдуманного поведения. Именно звук испорченной дорогой вещи вывел девушку из ступора, она начала выворачиваться из крепких объятий нападавшего.

В пылу драки она умудрилась задеть каблуком ногу нападавшего. Мужчина от неожиданности охнул и ослабил хватку. Это позволило Лейле вывернуться и оказаться лицом к человеку, посягнувшему на творение итальянского Кутюрье.

В ее глазах мелькнуло узнавание.

- Ты? – выдохнула девушка, и в первую секунду поняла, какую ошибку совершила.

И эта ошибка стоила ей жизни.

Пощечина, больше похожая на удар, сбила ее с ног, и она упала, потеряв равновесие и поддержку, которая была от мужчины. Схватив ее за волосы и, с силой прижав голову к асфальту, он протащил ее к неосвещенному участку за кустами, ближе к пустырю, на котором предпочитали сваливать строительный мусор. Из глаз девушки текли слезы от ужасной боли, кричать она не могла, разбитые, а теперь и разодранные губы только зачерпывали грязь с неровного асфальта.

Мужчина бросил ее за кусты с облетелой листвой, и только тут Лейла упала уже спиной и еще раз с неверием посмотрела на мучителя. Она просто даже предположить не могла, что этот человек способен на такое. Девушка попыталась закричать, но мужчина ударом ноги в лицо заставил ее замолчать. Она потеряла сознание, очнулась только после того, как к коже на ягодице прислонилось что-то горячее, запахло паленым. От боли, нарастающей в теле, девушка не сразу поняла, что это ее запах, запах ее горелого мяса. Крика не получилось, только хрип. Лейла понимала, что жить ей остается считанные минуты, может, часы, но травмы, которые она получила, просто не могли быть совместимы с жизнью. Поэтому она с облегчением приняла то, что мужчина, уперев-

шись коленом ей в позвоночник, и взявшись одной рукой за волосы, другой за подбородок, резко дернул ее голову. Шейные позвонки хрустнули, и девушка так и осталась с неестественно вывернутой головой лежать на земле.

Мужчина поднялся, с педантичностью убрал использованный презерватив в карман потертых джинс и поправил перчатки на руках. Первым правилом было – не оставлять следов.

Нападавший воровато оглянулся, но его расчет оказался верным. В это время парковка была абсолютно безлюдна, желающих пройти к стоянке такси по этой дороге тоже не было. Безопаснее было сделать крюк и выйти к ней через главную улицу.

Мужчина подобрал сумочку и обмотал длинный ремешок вокруг шеи жертвы, после чего подхватил тело и закинул его на плечо.

Не смотря на риск, он планировал оставить ее на видном месте. В конце концов, почерк нужно уже начать менять. Он с улыбкой подумал о своем фирменном знаке, отличающем его ото всех, который планировал оставлять на телах своих жертв. Только теперь это нужно будет делать еще до того, как они будут терять сознание от травм, нанесенных побоями, да и иметь обездвиженное тело хоть и проще, но не так интересно. В качестве такого знака он выбрал след от ожога, оставляемого большой печаткой с изображением герба их города: каска над вагонеткой. Ночной воздух прорезал запах

паленого мяса, но его никто не почувствовал, как и не увидел того, как тело девушки было сброшено с полутораметровой высоты холма под фонарь парковки.

Тело Лейлы так никто и не заметил до самого утра, пока на нее наступила еще одна девушка, только живая, в момент, когда ее не в меру пылким молодой мужчина припечатал спиной к фонарному столбу в момент жаркого поцелуя. Парочка поначалу даже не обратила внимания на странный темный ком, плохо видный в рассветной мгле, когда освещение уже отключили, а лучи солнца еще не получили полной власти над этим городом.

На этот раз над парковкой раздался истошный пронзительный девичий крик, а потом, буквально через несколько минут, вой сирен машин скорой помощи и полиции, спешащих на вызов.

Глава 3

На третьем этаже четырехэтажного здания в своем маленьком кабинете в кресле рядом с рабочим столом сидел следователь. На столе стояла сложенная домиков бумага с напечатанным текстом: майор полиции, следователь по особо важным делам, Георгий Степанович Миронов. На именную табличку финансирования не хватило, поэтому решили ограничиться обычным листом формата А-4 с напечатанным текстом.

На весь город приходилось одно ГУВД и одно отделение

полиции на транспорте, правда, на эти две организации приходилось в общей сложности двести человек, сорок процентов из которых составляли обслуживающий персонал. Для такого небольшого города, достаточное количество, с точки зрения областной власти.

Прямо перед собой мужчина держал отчет судмедэксперта, принесенный ему в картонной паке с сухим названием «Дело» и номером, присвоенным по порядку. Следователь потер уставшие глаза. Только за последние 12 часов это была третья папка, а свободных людей, ну или хотя бы менее загруженных, которым можно было передать ее в работу, уже не было.

В заключении не наблюдалось чего-то неожиданного. На месте обнаружения тела он был лично, причину смерти было угадать не так уж и сложно, неестественно вывернутая голова уже сама по себе намекала на смещение шейных позвонков в положение, несовместимое с жизнью. Были приложены анализ крови, содержимое желудка – девушка мало ела и много пила в тот вечер. Смерть наступила после полуночи. Была изнасилована. Так же были приложены фотографии с места убийства, фотографии жертвы, совсем еще молоденькой девушки, которой пришлось пережить в последние мгновения слишком много ужаса и боли. Однако, внимание следователя остановилось на ожоге, фотография которого была сделана крупным планов. Фактически эта отметина больше походила на клеймо. Он старался откинуть мысль,

навязчиво застрявшую в голове – вопрос состоял в том, в связи с чем появился этот ожог, и не ждать ли появление новых жертв, заклейменных таким же образом. Стоило подгрузить в базу изображение с целью поиска аналогичных отметин на телах, но уже в других регионах.

За годы своей работы сначала в патрульной службе, оперативником, следователем, Георгий Степанович видел разное, и, собственно, фотографии с неестественно вывернутой шеей его мало тронули, а вот ожог, в котором явно, не смотря на нечеткие границы взбугрившейся кожи, читалось изображение герба города, его беспокоил. Судя по словам специалиста, ожог, как и все повреждения, девушка получила при жизни, что говорило о садизме преступника. Он, хоть и понимал, что убийство – это убийство, какое бы оно ни было, хоть по неосторожности, хоть совершенное с особой жестокостью, но вот убийство, мотивом которого еще и дополнительно являлось причинение боли жертве – это уже совсем другая категория. Вероятность того, что это не то, что не последнее, но, скорее всего и не первое преступление, была слишком высока. Здесь имели место и множественные переломы ребер, костей рук, тяжелое сотрясение мозга, внутренние кровотечения. Помимо этого, девушка была изнасилована, что претило следователю еще больше.

В дверь постучали, что вывело Миронова из состояния задумчивости. Он разрешил войти, и на пороге оказался оперативник, тоже майор, Статных Олег Иванович. Помимо ра-

бочих отношений, их связывала еще и достаточно крепкая дружба, о чем знали все, и за глаза называли их «Твикс». Не слишком солидно для мягко сказать - уже не сильно молодых людей.

- О, любуешься? – заметил Олег Иванович раскрытую папку.

- Созерцаю.

- И как оно?

- Аппетита не прибавляет.

- Но жрать все равно хочется?

- Это тебе постоянно хочется жрать, я же ем, - поправил следователь недовольно.

- Так хочется или нет?

- Хочется. Встал по звонку, поесть не успел. Жена только бутерброды собрала. Будешь?

- А я уж думал, что и не предложишь, - с готовностью щелкнул опер кнопкой на электрочайнике.

- Что там? – следователь, не дожидаясь, пока друг приступит к трапезе, оторвал его от приготовлений.

- Грубый ты, Георгий Степанович. Невыдержанный.

- Не тяни, - поторопил тот.

- Да ничего там нет. Ни улик, ни следов, ни свидетелей. Ни работающих камер.

- А эти двое? – с пренебрежением спросил он, имея в виду Семена Полякова и Анатолия Буряка, но предпочел вслух их имена не произносить. – Те, с которыми она была вчера

вечером.

- Несколько человек из персонала слышали ссору.

- Как я понимаю, это неофициальные сведения.

- Ты абсолютно правильно понимаешь, никто не даст официальных показаний, хотя допросить их все равно стоит попробовать. - Кивнул опер, и, окунув чайный пакетик в кипяток, сел напротив друга. Его взгляд упал на папку, он поморщился, увидев верхнюю фотографию. – Да, ты прав, аппетита реально не прибавляет.

- А я что говорил. Что, откажешься от бутерброда?

- Да ни в жизни. Нас с ним не сможет разлучить даже третья мировая.

- Надеюсь, до этого не дойдет.

- Я тоже, - совершенно серьезно кивнул опер, а потом, без перехода, добавил. – Нам их не укусить. Так что пришлось привлекать в качестве свидетелей. Допрашивать когда будешь?

- Сегодня. Хотя, чует мое сердце, толку никакого не будет. Может, все же попытаться, - понизил голос Миронов, словно рассуждая сам с собой. – Это все же убийство, и даже Рохманинов не впряжется в это дело.

- То, что они в этом виноваты, еще доказать надо, а вот дадут ли нам вообще копать в этом направлении?

- Не попробуем, не узнаем, - философски заметил следователь.

- Так то оно так, только узнавать давай договоримся ак-

куратно. Рохманинов слишком дорожит своим отпрыском, а тот старательно цепляется за своих друзей, а те за него. Против начальника управления нам не пойти.

- Предлагаешь сразу же передать это дело в архив?

- Ни в коем случае. Просто нам нужно нечто большее, чем слова нескольких официанток, которые тут же, после небольшого давления, откажутся от всего сказанного.

Они замолчали, обдумывая сложившуюся ситуацию. Элитные детки уже порядком потрепали нервы всем представителям исполнительной власти в области. При отсутствии влияния со стороны опекающих родителей, каждый из мужской части этого сообщества уже бы точно сидел в тюрьме по разным срокам, но однозначно надолго. Миронов, Статных и все мыслящие служители закона прекрасно понимали, что без этих людей жизнь в городе стала бы на много спокойнее. А если еще убрать влиятельных папашек и истеричных мамашек, то еще и благополучнее с точки зрения отсутствия утечек из бюджета.

В портфолио веселых ребят были и нанесение тяжких телесных повреждений, и управление транспортным средством в нетрезвом виде, и дебоши с крушением витрин, и оскорбления лиц при исполни, и многое-многое другое. Было даже заведено дело об изнасиловании, но за хорошее вознаграждение от щедрых родителей, пострадавшая забрала заявление, уведомив в письменной форме, что все было при обоюдном согласии. Что уж говорить о мелких нарушениях.

Всему этому не давал хода Рохманинов, перекрывая кислород всем следователям, имевшим наглость заводить дело на друзей его сына. Перед тем как стать быстро растущим по карьерной лестнице прокурором, Рохманинов младший был вообще чист аки младенец, только что явившийся в этот мир. Даже ни одного штрафа за нарушение ПДД.

- Знаешь, что меня во всей этой истории особенно сильно напрягает? – прервал тишину опер. – Метка. Зачем это нужно было делать?

- Ну, мотивом может послужить все, что угодно, - уклончиво ответил Георгий Степанович.

- Э, нет, друг. Для убийства мотив может и будет, правда я сомневаюсь, что мотив будет адекватным.

- А когда при убийстве имеет место адекватная мотивация?

- Когда жена убивает мужа, который избивает ее каждый день, когда девушка убивает насильника, когда речь идет о мести, в конце концов, о защите жизни. Все это можно понять. Но вот тут, боюсь, всего этого не будет. Не вижу я смысла в обезображивании тела. Что он этим хотел сказать, и кому? Нам, миру, обществу или кому-то конкретному…

- Думаю, что твое предположение в этой части верно. Метка от слова «метить», причислил жертву к своим, как главы террористических организаций берут ответственность за теракты, так и здесь. Подпись автора.

- Тебя это не настораживает?

- Намекаешь на появление серийного убийцы? – поднял брови следователь.

- Это не я сказал, заметь.

- Для одного города второй психопат – перебор, не находишь?

- Нахожу. Но опасения есть?

- Есть, - не стал тот спорить. – Но спешить с этим нельзя. Для маньяка – одна жертва слишком мало. А на руках у нас труп в количестве один штука. Так что паниковать рано.

- Да ты коллекционер? – наиграно восхитился Олег Иванович. – Ладно, один, так один. Будем ждать следующего клиента.

- Сплюнь! – с досадой ответил тот.

- Это чтобы не сглазить? – невинно поинтересовался опер, после чего выслушал непродолжительную матерную тираду. – Понял, понял. А тебе желаю новую мебель в кабинет, старая никуда, кроме как на растопку, не годится. Заметь, я все же гуманные вещи желаю.

Глава 4

Большой развлекательный центр, располагающий в себе на нескольких этажах кинотеатр с несколькими небольшими залами, рестораны, кафе, отделы с одеждой массмаркета. Кафе, две молодые женщины за столом, блондинка с длинными прямыми волосами и жестким лицом скандинавского типа, темная шатенка с красивыми, но уставшими глазами.

Достаточно нелепо здание смотрелось среди общего запустения, тем не менее, каким-то невозможным способом, создателю этого архитектурного произведения удалось не только окупить затраты на возведение, но и получать постоянную прибыль. Центр пользовался популярностью у населения среднего класса, прослойка которого с каждым годом становилась все тоньше, к сожалению, не в сторону увеличения достатка

- Капучино, пожалуйста, и проследите, чтобы кофе был горячим, - не глядя в предложенное вежливым официантом меню, сделала заказ валькирия.

Она явно нервничала, длинные тонкие пальцы с ухоженными ногтями теребили золотую зажигалку, достаточно крупную для девушки.

- Лариса, успокойся, - глядя на подругу, попросила сидящая напротив молодая женщина. – Ничего страшного не произошло.

- Ты смеешься?! – удивленно вскрикнула та, - Лейлу убили, и ты это называешь «ничего страшного»!

- А тебя, я смотрю, ее преждевременная кончина заставила пересмотреть свои жизненные принципы и задуматься о бессмертии своей души?

- Не понимаю твоего сарказма.

- Я имею в виду, что сильно сомневаюсь, что тебя так уж волнует ее смерть.

- Марина, ну нельзя же быть такой холодной, - посетовала

Лариса, но не слишком активно показывая на то, что подруга была не права.

- Она не была мне ни подругой, ни хорошей знакомой. Тем более, что я точно знаю, что ни в каких благотворительных организациях она не состояла и в делах на пользу человечеству замечена не была. Так что, прости. Кстати, тебе ее смерть только на пользу, так что прекращай лить слезы понапрасну, хватит и выражения вселенской скорби на лице.

- Замолчи! – прервала блондинка подругу, - Лейла была…

- Прекрати истерику! – повысив голос до максимально приличного, резко одернула Марина заигравшуюся в трагичном амплуа Ларису. – Мы еще не на похоронах, чтобы петь дифирамбы в ее честь, в наличии которой я искренне сомневаюсь. Она была дешевой и малообразованной девкой. И уж кому как не тебе знать об этом лучше всех.

- Зачем ты так жестоко, Марин? Она же… - понуро опустила голову Лариса.

- По-человечески мне ее, конечно, жаль, жаль ее родителей. Никто не заслуживает такой смерти, но то, что произошло, то произошло. Ежедневно погибает при тех или иных обстоятельствах огромное количество людей. Если по всем лить слезы – никаких слез не хватит. И ты не можешь с этим ничего поделать, как бы тебе этого не хотелось. А у меня опять же сомнения по поводу искренности твоих душевных терзаний. Так что твое театрализованное представление абсолютно лишнее. Передо мной комедию ломать не стоит.

- Мариша, - удивленно вскинула темные, контрастирующие с цветом волос, брови, блондинка, - ты стала такой холодной. Я помню тебя еще когда ты была более эмпатичной. Почему?

- Станешь тут… - уклончиво ответила девушка. И не постеснялась уколоть. – А я помню тебя, когда твои слезы были искренни.

- Ты же всегда близко к себе принимала чужие проблемы, сопереживала всем и вся. – проигнорировала та подколку.

- Решила, что пора пожалеть себя.

- Максим бьет тебя, да? – неожиданно верная пришла в голову подруги догадка.

Такой проблеск проницательности для Марины от своей подруги в последние годы был каким-то нонсенсом. Она даже не сразу нашлась, что ответить, внимательные глаза Ларисы следили за меняющимся выражением лица шатенки.

- Нет, - наконец перестала открывать беззвучно по-рыбьи рот девушка. – Мой муж идеален во всех отношениях. И тебе это известно.

Марина постаралась придать голосу максимальную уверенность и твердость, ко всему прочему он должен звучать естественно. И неожиданно для самой себя это оказалось очень непросто.

Как оказалось, врать она научилась очень хорошо, потому как подруга успокоилась, даже не поняв, что очень метко попала в самый центр проблемы, давно отравляющей жизнь

Марины и Максима. Лариса тем временем, вытянула из пачки сигарету и, не смотря на запрещающие курение в зале, знаки, чиркнула колесом зажигалки и переключила свое внимание на другой объект.

- Похороны устраивает Толик, - перевела тему Марина. – Макс попытался заикнуться на тему складчины, но Буряк отказался яростно и безвариативно.

- О, да. Это вполне в его духе.

- Мне кажется, что он чувствует себя виноватым в произошедшем.

- Он так подавлен после этого случая. На него больно смотреть. Еще и банкротство отца. Как же на него все свалилось.

- Бедняжка, - с сарказмом произнесла девушка, сочувственно кивая головой.

- Да, - тяжело вздохнула Лариса, не заметив иронии. – Я считаю, что эта ссора произошла не по его вине.

- По его, не по его. Твоя задача – занять место Лейлы, и сделать это нужно как можно быстрее, думаю, гордым и очень одиноким вдовцом он будет оставаться не долго.

- Думаешь, у меня получится? – тон девушки сразу же изменился, в нем появились деловые интонации хваткого бизнесмена, в ее случае, бизнесвумен. – А это вообще, удобно? Тело еще не остыло…

- Уже остыло. Вот уж не думала, что тебя так сильно волнуют морально-этические нормы.

- Ты слишком плохого обо мне мнения.

- Да ну? Что-то не припомню, когда это мнение других тебя сильно интересовали?

- Допустим, - вынуждено согласилась Лариса, на ее лице отразилось смятение.

- В конце концов, - попыталась поднять настроение подруге Марина. – Ты всего лишь займешь свое место, получишь то, что хотела и что тебе принадлежит. Это она первая увела твоего прынца, так что… тебе и карты в руки. Толик Лейле сейчас совершенно точно без надобности, а ты явно закисла, и хорошая эмоциональная встряска тебе не повредит.

Она сознательно исковеркала титул наследника европейского трона, потому как никогда не относилась к Буряку положительно, скорее всегда сторонилась его общения, кантактируя только по необходимости, связанной с безответной юношеской влюбленностью подруги, переросшей в зрелую… одержимость, хотя это все же не то слово, которым можно описать состояние Ларисы сейчас.

- Ты в чем-то права, - кивнула блондинка, накручивая на палец локон.

Марина в очередной раз подивилась тому, как подруга детства быстро меняла образы и настрой, переходя из одного амплуа, в другое. Шесть лет в театральном училище давали о себе знать. Пусть и в нестоличном учебном заведении. Иногда блондинка входила в роль так, что поверил бы не только Станиславский.

Сразу после школы Лариса собрала большой чемодан и, с неохотного позволения родителей, поехала покорять столицу, благо, что не всея Руси, а местную, областную. Основной целью для нее было выступать на сцене, собирать бурные овации. Но мало оплачиваемая работа и отсутствие главных ролей, на которые Лариса рассчитывала, заставили девушку на двадцать четвертом году жизни вернуться в родной город, где при помощи родителей, в тайне довольных такому повороту дел, открыла агентство по проведению торжеств, праздничных и не только. Дело приносило относительно высокие доходы, пусть и не сразу, но этих денег хватало для покрытия расходов, связанных с ведением дела, плюс еще и на безбедную жизнь в провинциальном городе оставалось. Тем не менее, она не гнушалась и самым старым способом добычи денег – доением отца, который ради единственной дочери совершал подчас необдуманные траты.

Однако, этот источник прикрылся около месяца назад, когда хлебзавод имени Кочегарова, скромно названного в честь самого себя при проведении незаконной приватизации, был реорганизован и получил новый совет директоров и новое менее пафосное название. Но по факту, предприятие просто было отдано за бесценок, в чужие руки, что само собой, заставляло всю семью Кочегаровых беспокоиться по этому поводу, Лариса не была исключением. Семейное дело, поднятое отцом в не самые легкие для экономики и страны в целом, должно было бы по прошествии какого-то времени

перейти в ее распоряжение, но этому уже никогда не было суждено сбыться.

- Как думаешь, кто ее убил? – понизив голос и воровато оглянувшись, спросила блондинка.

- Никак не думаю, признаться честно, мне все равно.

- И все же.

- Не знаю, по-моему какой-то сумасшедший. Кому такая расправа могла бы прийти в голову. Про ограбление и говорить нечего, все при ней.

- Говорят, след на шее от сорванной цепочки.

- Ты сама знаешь, что она сама сдирала все при ссоре с Толиком, а серьги и кольца на месте. А там, извини, бриллианты.

- Мне просто было важно знать твое мнение.

- Если тебя интересует, думаю ли я на какое-то конкретное лицо, то нет, нет даже в догадках.

- Я просто боюсь, что это мог бы быть Толя. Вдруг в состоянии аффекта он ее и придушил… - трагически заламывая руки проговорила Лариса.

- Во-первых, это не Толик, у него алиби, причем достаточно увесистое. Максим говорит, что Антон был с ним постоянно. Так что следствию не прикопаться. Во-вторых, ее никто не душил, если бы ей не сломали шею, то она скончалась бы от полученных травм. А я сомневаюсь, что нашего Буряка вообще возможно разозлить до такой степени, что он нанес бы такие побои.

- Ой, - поморщилась Лариса. – Давай без подробностей, мне, если честно, на них глубоко плевать. Хоть на мостовой выпотрошили, лишь бы Толю не трогали.

- Вот и прорвалась твоя циничная сучность наружу. А то все заладила «это удобно», «это неудобно», - хохотнула Марина, с завистью глядя на закурившую вновь подругу, сама она отказалась от вредной привычки, так толком и не пристрастившись к ней.

- Я выдержала приличный период сочувствия.

- Ну, конечно.

- Можно считать, что я сняла траур и мое сердце вновь озарило лучами солнца.

- Как поэтично, - сделала вид, что восхищается, Марина. – Не тронут твоего Толю. Максим сказал, что его отец сделал все возможное, чтобы ни Толик, ни Семка не попали в список подозреваемых, они мило так перекочевали из этого списка в список свидетелей. А ты сама знаешь, приказы Рохманинова не обсуждаются, а только лишь беспрекословно выполняются.

- Н-да, твой свекр – мужик суровый, - кивнула Лариса головой, всецело подтверждая свое уважение к нему.

- Нравится? Забирай, - сделала щедрое предложение девушка.

- Считаешь, что можно побороться за роль твоей свекрови?

- А почему бы и нет, будешь мою кровь пить на законных

основаниях.

- Заманчиво… - сделала вид, что задумалась Лариса.

- Ты думай, думай. А вообще, еще один вариант есть, очень хороший.

- Еще лучше? Я вся во внимании.

- Стать невесткой Рохманинова-старшего и невестой Рохманинова-младшего. Такого добра никому не жалко, даже тебе. А если ты еще и научишься получать удовольствие, то все вообще будет просто замечательно.

- Мариночка, - лицо Ларисы помрачнело. – Ты, дорогая моя, что-то мне не договариваешь. Все так плохо?

- Все нормально, - закусила девушка губу, понимая, что в потоке сарказма сболтнула лишнее.

- Ты ответь мне на один вопрос, ты жалеешь, что вышла за него?

- Лара, тебе зачем лишняя головная боль, своих проблем мало? Давай забудем про сегодняшний разговор, в нем нет ничего приятного.

- Нет уж, давай-ка разбираться.

- Не в чем разбираться, я сболтнула глупость, шутка не удалась.

- Марин, ты – моя единственная подруга. Больше, кроме тебя, мой сволочной характер никто не выдерживает. В этом захолустном городке только и можно рассчитывать мне на тебя, тебе на меня, а больше верить и не кому. Наша дружная компания как не пойми как собралась, так дружно не

пойми как развалилась, оставив после себя неприятное послевкусие. Марина, как это вообще могло произойти? Ведь все было так хорошо…

Девушка молчала, сочтя этот вопрос риторическим, потому как «хорошо» в 20 лет, может быть совсем нехорошо уже через 5 лет, но Лариса, не дождавшись никакой реакции от подруги, сама ответила.

- Я всегда думала, что общая тайна, она объединяет, а на деле, оказалось, наоборот.

- Лара, тайна была у масонов, и есть по сей день. А нас объединят преступление. И этому преступлению нет оправданий.

- Это был несчастный случай, слышишь?! – громко взвизгнула Лариса.

- Если тебе так проще жить, если ты смогла себя в этом убедить, то я рада за тебя. Но я со своей совестью так легко договориться не смогла, как это вышло у всех вас.

- Мне тоже было нелегко, но нашей вины нет, это просто трагическое стечение обстоятельств. Нашей вины нет, - повторила она как заклинание. Но было видно, что и ей это все так же нелегко дается.

За столом воцарилось молчание, недопитый кофе давно остыл, продолжая источать бодрящий аромат.

Марина упрямо вздернула подбородок и уставилась в стеклянный купол торгового центра. Машинально отметила для себя, что скорее всего начнутся обещанные гидрометео-

центром осадки, потому как на небе сгустились тучи, грозя вывалить на город месячную норму осадков. Осень уже перестала быть порой романтиков, уступая место жестким погодным условиям.

- Ты все еще его любишь?- прервала тишину Лариса.

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Марина чуть не пролила кофе, который хотела допить. Ответа на этот вопрос она не могла дать. И это отнюдь не из-за того, что смысл вопроса не был понятен девушке, или она не знала на него ответ. А блондинка как будто продолжала проявлять несвойственную ей интеллектуальную и эмпатичную прыткость.

- Ты ждешь его? – задала она следующий вопрос, игнорируя падение подруги в анабиоз.

- Прошло десять лет, - наконец, выдавила Марина из себя, старательно подбирая слова. Шесть лет из них я замужем, замужем за тем человеком, в супруги которого я выбрала неизвестно каким образом, минутным порывом. Нет, я не жду его. Он не появится в моей жизни, я знаю это наверняка.

- Ты не можешь этого утверждать, - в голосе Ларисы звучала неподдельная жалость. – Вдруг…

- Никаких «вдруг», - покачала головой она, - я не верю в чудеса. Если за десять лет он не нашел времени для того, чтобы написать хоть пару строчек, я даже не говорю про почтовые пересылки, за это время наука шагнула вперед, создала множество иных способов связи. Если он не воспользо-

вался ни одним из них, глупо надеяться на то, что вот сейчас он постучит в мою дверь.

- Но это возможно, - упрямо гнула свою линию блондинка.

- Я не маленькая девочка, чтобы верить в сказки. Я даже уже мечтать перестала, живу серыми буднями. Ладно, подруга, ты не волнуйся. С Толиком все будет хорошо. Рохманинов об этом обязательно позаботится. Созвонимся, если что.

Такого резкого перехода Лариса не ожидала и не сразу поняла смысл сказанного, а когда вышла из интеллектуального катарсиса, Марина уже подошла к эскалатору, который отвез ее на первый этаж. Оттуда она уже в прощальном жесте вскинула руку, дождалась, пока Лариса ответит ей, и скрылась за крутящейся дверью.

Оказавшись на улице, девушка зябко передернула плечами и глубоко вдохнула холодный, пропитанный дождевой влагой, воздух. Разговор с Ларисой заставил всплыть в памяти то, что она старалась упрятать как можно дальше и глубже, надеясь, что это вообще когда-нибудь сотрется из ее памяти. Теперь, когда вновь возвращенные неуместным любопытством и неожиданной прозорливостью подруги, образы прошлого обрели четкость, яркость и эмоциональную окраску, сердце Марины заколотилось, поддерживая какой-то бешеный ритм, а руки машинально обхватили плечи, стараясь унять проступившую дрожь в теле как от озноба.

С трудом, как будто во сне, она нашла на парковке у торгово-развлекательного комплекса свою машину. Руки тряс-

лись, и девушка не с первого раза смогла отключить сигнализацию. Уже сидя в автомобиле, Марина дала волю своим эмоциям: откинувшись на сидении и заплакав. Но тяжесть, годами носимая на плечах, никуда не уходила со слезами, оставалась солью на щеках, и, наверняка, разводами косметики. Хотелось жалеть себя еще больше.

Десять лет назад у нее было все, о чем только может мечтать пятнадцатилетняя девушка: крепкая и дружная семья, образование в элитном лицее с уклоном на математические дисциплины и усиленным языковым курсом, отличные друзья, любимый молодой человек, терпеливо и трепетно дожидавшийся ее совершеннолетия. И все это развалилось в один миг, последовательно, словно карточный домик, трагедия приходила в ее жизнь за трагедией.

Началось все со взрыва на шахте, виной которого стали подростки, пришедшие туда поздним вечером и задержавшиеся там до глубокой ночи для получения порции адреналина. Марина до сих пор не понимала, как они все тогда смогли избежать наказания. На сколько она могла помнить, ее даже не пригласили в следственный отдел, не говоря уже о судебном заседании. От взрыва каким-то чудом им удалось спастись. Их вывел Михаил, к тому времени уже подрабатывающий на этих шахтах, и знающий расположение ходов и выходов.

Собственно, по прошествии этих лет, девушка поняла причину неприкосновенности их компании. Их было восемь

человек: она с Ларисой, Богдан и Александра Герцоги, Толик Буряк, Антон Поляков, Михаил Градский и Максим Рохманинов, последний был родным внуком главного прокурора области и сыном полковника тогда еще милиции. Такая родословная все объясняет, и последующий выбор профессии самого старшего из них, и то, почему они все остались на свободе. Хоть Марина никогда и не видела дела, она догадывалась, что там касаемо этого происшествия написано что-то пространственное про несчастный случай. Но они сами знали, каждый друг про друга, что на самом деле произошло. Да, злого умысла не было ни у кого, но неосторожность повлекла за собой разрушительные последствия. Даже сейчас, по прошествии такого большого количества времени, по различным причинам эту шахту так и не могут запустить. Как будто она была проклята… Как она сама.

Произошедшее тягостно отразилось не только на психо-эмоциональном состоянии девушки, неполадки начались и в ее образцово-показательной семье. Сильно начала болеть мать Марины, нервные срывы следовали один за другим. Чтобы не травмировать дочь, на этапе следствия и судебных разбирательств, отец отправил ее в Европу на два месяца, а сам тем временем, разрывался между сдающей позиции женой и прибыльным делом. Но, в результате, ни в одном из направлений не произошло улучшений, дело пошатнулось, появились убытки, а про такое понятие он вообще успел забыть уже лет как пять, а супруга угасала на глазах.

К моменту возвращения Марины из путешествия, ситуация начала налаживаться, они даже вместе поехали встречать дочь из аэропорта. Но машина так и не доехала, столкнувшись на горной дороге с большегрузом. Экспертиза показала неисправность в тормозной системе. Машина вылетела с трассы от ужасающего по своей силе удара за ограждение, искореженный кусок металла с двумя обезображенными до неузнаваемости людьми, спасатели вытащили только на через несколько часов. Эту аварию Марина помнила хорошо. Не дождавшись родителей, она вызвала такси, и, проезжая место происшествия, видела, как поднимают то, что осталось от машины.

Вопреки всем высказываниям о развитой интуиции и прочих вещах, сердце не дрогнуло, дыхание не перехватило, она только лишь подумала о том, что люди умирают каждый день. Только уже в городе, от Максима Рохманинова она узнала правду о том, кто стал участниками аварии на трассе. Смерть была мгновенной, эта единственная мысль, которая помогала ей держаться, мысль о том, что родители не мучились. За несколько минут Марина стала сиротой.

Опеку над девочкой-подростком, не побоявшись возможных последствий, взяла крестная Марины, являющаяся лучшей подругой матери девочки. Мама Женя, как называла ее подросток, старалась не только оставить девочку на плову, но и всеми силами делала так, чтобы той было на что жить в будущем. Она сохранила кода-то преуспевающий магазин

спортинвентаря, в большей степени специализировавшегося на альпинистском снаряжении, но, к сожалению, женщине не хватило хватки, умений и навыков, чтобы сохранить дело в том блеске и лоске, в котором оно было при жизни отца Марины. Пришлось закрыть несколько филиалов по области, так как она не справлялась, да и как могла женщина с гуманитарным складом ума вынести на себе все это, учительнице приходилось постигать азы экономики и маркетинга, разрываясь между своей семьей, Мариной, проверкой тетрадей, проведением уроков и магазином. Марина все равно была благодарна за проделанную работу, которой Евгения, по сути, заниматься и не должна была. И тем более не была обязана любить ее со всеми подростковыми истериками, заботиться, когда она отталкивала ее.

Это был очень тяжелый год в судьбе девочки, возможно, хоть какое-то облегчение приносило бы простое дружеское присутствие любимого человека, важна была его помощь хотя бы морально. Но спокойный, рассудительный Миша, рядом с которым девочка всегда чувствовала себя защищенной и в каком-то приятном вакууме, исчез сразу после взрыва на шахте. Ни звонка, ни прощального письма. Он ничем не давал о себе знать. И это продолжалось вот уже десять лет.

Крестная Марины не брала от прибыли магазина ни копейки. Все деньги, получаемые в результате финансово-хозяйственной деятельности, методично зачислялись на счет девочки, тем самым, она смогла обеспечить получение очень

хорошего образования для крестницы. Помимо этого, Евгении пришлось потратиться и на психотерапевта, а после наступивших улучшений, на психолога для крестницы. Такая потребность была вызвана состоянием Марины, она все больше становилась похожа на растение, чахнущее и бледнеющее. Она не улыбалась, не встречалась с друзьями, после школы, не задерживаясь нигде, возвращалась домой и просто запиралась у себя в комнате, лишь изредка принимая еду, словно действуя по какому-то собственно спланированному графику. В общем, вела жизнь, резко отличающуюся от жизни, подобающей подростку. Но все усилия пошли на пользу только самому психологу, буквально обогатившемуся на своих сеансах.

Оставшиеся друзья, к слову, не бросили Марину, и всеми силами старались вытянуть ее из затянувшейся депрессии. Особенно старался Максим Рохманинов, которому на тот момент было уже двадцать. И он с Антоном Поляковым, своим одногодкой, считавшимся заводилой в любом коллективе, особенно в их дружной элитной компании.

И через три года после трагических событий в жизни Марины ничего не изменилось. Она была забита, затравлена, подавлена, абсолютно не способная к мыслительному процессу. Интеллектуальных сил хватало только лишь на продолжение учебы. Именно такой девушка и застала свое совершеннолетие. Этим выгодно для себя смог воспользоваться Максим, хотя, с точки зрения Марины, эта выгода была

весьма сомнительна.

Девушка даже сейчас, сидя в своей машине старательно пыталась вспомнить детали того дня, когда в романтической обстановке (свечи и цветы она как раз таки помнила) молодой Рохманинов сделал ей предложение, а она приняла его без раздумий. И вот здесь уже возникал вопрос. Что же было в ее голове на тот момент, раз она совершала то, что совершила.

Жаловаться Марине было не на что. По началу их семейная жизнь складывалась как нельзя лучше. Конечно, не строки из любовного романа, но и не серые будни рабочего класса, которые она в избытке могла наблюдать в родном городе.

Свекр всячески способствовал укреплению социальных позиций их молодой и еще не сформировавшейся ячейке общества, а, проще говоря, делал все, чтобы молодые люди ни в чем не нуждались. Максим в свою очередь старался ради молодой жены полностью соответствовать образу идеального мужа. Это у него получалось хорошо, но только это была всего лишь роль, которую Рохманинов играл не жалея себя, и эта роль ему очень скоро надоела.

Марина не могла, да и не хотела винить своего молодого супруга ни в чем, тем более, что в том, что их семья превратилась в то, чем сейчас является, виновны были оба, и было бы глупо отрицать это, утверждая обратное и обвиняя друг друга. Она не была хорошей женой, и она отдавала себе отчет в этом. Постоянно в себе, отсутствие положительных

эмоций, холодность, отстраненность, никогда не улыбалась, даже тогда, когда этого требовали элементарные нормы приличия, за все подарки, достаточно часто преподносимые, девушка сухо благодарила, не уделяя даже вежливого интереса. А уж про исполнение супружеского долга и семейных обязанностей, и говорить-то собственно было нечего. Все как в анекдоте про дятла и бревно, причем именно Марина исполняла роль дерева. Но Макс все это терпел, ну, разве что, иногда задерживался на работе дольше обычного.

Последней каплей, разрушившей источенный гранит и без того хрупкого мира в их семье, послужило неожиданное желание Марины найти Михаила, своего первого, и по настоящий день единственного, любимого человека. Она хотела попросить помощи в этом достаточно сложном деле у мужа, так как именно он обладал нужными связями и знакомствами, а также линиями движения информации, неподвластными простым смертным. Сказать, что эта просьба не понравилась Максиму, это очень мягко отразить ситуацию. Он принял ее в штыки. Произошла ссора, первая за их совместную жизнь. С битьем посуды и не только.

В этот вечер Марина будто вышла из спячки, спешно покинула уютную раковину, в которой пребывала последние годы.

- Он бросил тебя, - рычал Максим, расхаживая по отцовскому дому, в котором они находились в этот вечер, словно тигр в тесной клетке.

- Я хочу просто найти его, поговорить, посмотреть ему в глаза, - в тысячный раз поясняла Марина.

- Он ничего не сделал для тебя, только причинил боль! А ты хочешь найти его? Тебе было мало? Хочешь еще?

- Хоть бы и так, это не твоя забота, я всего лишь прошу тебя о помощи, кажется, я не так-то часто это делаю!

- Уж лучше бы чаще, но не так, - он подозрительно прищурился и с издевкой в голосе спросил. – Может, ты еще скажешь, что любишь его?

- Да, именно так.

Ответ поверг в шок не только Макса. Марина внутренне напряглась, ожидая последствий своего опрометчивого признания. И они не заставили себя долго ждать. Но как бы она к ним внутренне не готовилась, такого все же не ожидала.

Звонкая пощечина разорвала ставшую осязаемой тишину. Голова девушки мотнулась с такой силой, что заныли мышцы шеи, зубы щелкнули он удара. Девушка мысленно поблагодарила всех и вся за то, что успела убрать язык, иначе неминуемо откусила бы его.

Рохманинов что-то говорил, она видела, как шевелятся его губы, но слова доносились до нее словно через тугую вату, однако, что-то ей все же удавалось распознать среди всего того звона, царившего в ее голове. Марина притихла, ожидая дальнейшего развития событий.

- Значит, мало боли, да?

Это она услышала четко и поняла, что пощечина – мень-

шее из того, что ее ожидало в это вечер.

- Никогда, слышишь, никогда, - по слогам произносил Максим, вбивая в нее слова буквально, произнося их между ударами, наносившимися жене. – Ты не повторишь эти слова. Это дурь! Даже думать не смей, что ты можешь позорить меня!

Страх смешался с болью в сознании у Марины, она уже ничего не слышала и не понимала дальше.

Рохманинов понял, что увлекся, когда между ударами до него донесся звук захлопывающейся двери. Он ошалело, задыхаясь от нагрузки, уставился на тело жены, распростертое у него под ногами. Его грудь тяжело вздымалась, сердце билось в учащенном ритме, будто после пробежки.

Марина очень хорошо помнила, как в комнату вошел свекр с улыбкой на губах, приветствуя сына и сноху. Помнила, как улыбка медленно сползла с побледневшего лица мужчины, когда он увидел девушку с окровавленным лицом и в неестественной, явно неудобной позе, лежащую на полу.

Первым делом Рохманинов-старший лично проверил пульс на шее у девушки, и только потом, убедившись в том, что она жива, вызвал скорую помощь. Орал на сына он громко и не жалея слов, однако Марине было все равно.

Позднее, она узнала, что произошедшее объяснили медикам, которые прибыли на вызов, как падение с лестницы. У врачей были вполне обоснованные сомнения по поводу природы полученных травм, она даже попытались на месте вы-

звать наряд полиции, но сила убеждения двух красных корочек, предъявленных на месте, говорящих о том, что полиция уже тут, заставила их смириться со сказанным.

Марина тогда, как и сейчас, вспоминая тот день, только горестно хихикнула, представив, какой высоты должна была быть лестница. Однако, лечащего врача, дежурившего в этот день в больнице, так же, как и бригаду врачей скорой помощи, такая трактовка вкупе с убеждениями двух уважаемых людей и молчаливого согласия Марины, тоже вполне удовлетворила. Девушка, сжав зубы и собрав волю в кулак, не проронила ни слова, касаемо событий того дня, спокойно дождалась выписки.

В палату к ней никого не впускали, поэтому никто не догадывался о произошедшем. По телефону она так же подтверждала свое неловкое падение с лестницы, и спокойно смеялась над своей «неуклюжестью» в разговорах с Ларисой и крестной.

Вынужденное одиночество Марину не тяготило, даже наоборот, дало возможность собраться с мыслями. За те дни, в которые залечивались синяки и ушибы, девушка многое переосмыслила в своей жизни. К сожалению, помощи было ждать не от куда. Крестная сразу после ее свадьбы переехала в другой город подальше от гор, шахт, сырости, холода и неблагоприятной экологической и моральной обстановок. Она еще тогда старательно отговаривала крестницу, ставшую родной, от необдуманного поступка, но та тогда подчи-

нялась логике «что воля, что неволя, все одно». Друзья, как показало время и жизнь, оказались не ее, а Максима, Лариса, была достаточно слабым помощником, и втягивать в разборки с семьей Рохманиновых ее было просто не честно. А больше в этом городе она не была нужна никому. Осознание этого так же неприятно кольнули Марину.

Супруг, психическое состояние которого пришло в норму, часто посещал ее в палате, и, по сути, был единственным, кого туда пропускали. На этот раз он валялся у нее в ногах, вымаливая прощение, дарил цветы, заваливая ее подарками. Марина могла только догадываться, о происхождении этих денег, конечно, государство позаботилось о благосостоянии правоохранительных органов, но все же не на столько. Обещания «подарить звезду», девушка пропускала мимо ушей, не веря уже ни единому слову.

Развод она видела единственным способом решения возникшей проблему, к этому решению Марина подошла осознанно. Собственно, сразу после выписки, девушка и пошла в ЗАГС, чтобы расторгнуть брак. Но Максим, у которого настроение стало очень часто меняться, только посмеялся над ней, и посоветовал бросить эти бредовые идеи.

И действительно, вот уже два года, при фактическом отсутствии семьи, Марина официально оставалась женой Рохманинова, жила в его квартире, купленной на подаренные на свадьбе деньги (конечно, основная сумма была преподнесена отцом Максима, а процентов тридцать стоимости жилья,

вложила сама девушка, сняв их со своего счета).

После очередного похода в органы регистрации и расторжения брачных союзов, Рохманинов повторил свою мысль, несколько расширив ее. «Я же сказал, не смей меня позорить. Развода не дам, заведешь любовника – убью обоих. И концов не найдут, да и вас тоже. Сама знаешь, могу. Живешь здесь, в соседней комнате. Я к тебе не притронусь больше, можешь быть спокойна. Я понятно излагаю?» - это была цитата, которую Марина запомнила дословно.

Излагал он достаточно ясно, о возможностях его девушка прекрасно знала, и у нее не было причин ставить его слова под сомнение. Тем не менее, несмотря на явную угрозу, обещание свое Максим сдержал, и их совместная жизнь превратилась в жизнь чужих друг другу людей в коммунальной квартире. Со стороны – идеальная семья.

- Еще чуть-чуть. Потерпи, девочка. – успокаивающе прошептала она самой себе, вцепившись в руль. Вот только что ждать, ради чего терпеть, она не могла сказать самой себе. Не знала ответа.

Михаила она так и не нашла. Его мать с дочерью и отец с новой семьей покинули город много лет назад, не оставив никаких контактов, и девушка так и не смогла выйти на хоть каких-нибудь общих знакомых.

Не знала Марина и того, что тот, к поискам кого она приложила так много старания и времени, кого ждала, сам вернется в город. И уж тем более никто не знал, чем этот при-

езд обернется для всех них, людей, которые десять лет назад являлись дружной и сплоченной компанией, а сейчас представляли собой гниющее болото.

Глава 5

Вся дорога заняла около двух суток, чуть больше, чем они думали, но меньше, чем предполагал навигатор. Мощный двигатель не смог помочь на тех участках дороги, где асфальт было бы необходимо поменять лет 10 как.

Первое время Милана старалась воспринимать поездку как путешествие. После сменяющиеся пейзажи и виды городов перестали интересовать и радовать. **Силы** и энергия уходили, как вода в песок. Очень скоро однообразие пейзажа и монотонный гул двигателя стали действовать на нервы, как соседи, не прекращающие ремонт ни на мгновение.

Очень скоро это все начало удручающе действовать на настроение девушки. Она даже представить себе не могла, каково было Михаилу, который фактически сорок часов провел за рулем без сна, ограничиваясь недолгими часами дремоты. Милана из солидарности старалась соответствовать и не смыкала глаз, за что пару раз получала нагоняй от мужчины, который пояснял, что он не устает, и что его жизнь заставила научиться довольствоваться малым, а она совсем не обязана жертвовать своим самочувствием. Милана дулась, обижалась, но упрямо бодрствовала, моментально отрубаясь в отелях, где они ночевали. Отели выбирались ей лично, по-

этому принимала ванную она как привыкла – долго, со свечами, книгой и бокалом вина.

Михаил не был так внимателен к комфорту, предлагаемому цивилизацией, и сразу же после того, как быстро принимал душ, не менее быстро ел, отрубался чуть дойдя до кровати.

Милана же не могла так быстро уйти в сон в незнакомом месте и учитывая то обстоятельство, что едут они не отдыхать. В итоге спала она мало, чутко, беспокойно. Но, благо общее состояние вымотанности не подпускало к ней те сны, после которых хочется помыться.

Чем дальше они удалялись в сторону, противоположную экватору, ближе к горам и северным морям, тем хуже становилась погода, и, соответственно, состояние дорог. Осень уже не просто вступила в свои законные права, она уже готовилась передать бразды правления зиме, до наступления которой был еще минимум месяц. Мелкий моросящий дождь иногда смешивался с мокрым снегом, на дороге начала попадаться снегоуборочная техника. На вторую ночь, выйдя из отеля, они с трудом распознали в черном размытом пятне, явственно выделяющемся через молочно белый туман, агрессивные черты внедорожника.

Настроение у девушки еще больше упало, хотя она изо всех сил старалась этого не показывать. Тем не менее, несмотря на выдержку Миланы большую часть пути заключительного дня путешествия, они провели в молчании. Ти-

шину прерывали только звук двигателя и мерное движение дворников, скребущих по лобовому и иногда заднему стеклам, давая возможность людям видеть то, что происходит вокруг не через пелену грязи и дождя.

Молчание практически не нарушалось и когда они обедали. Каждый думал о своем, и одновременно с этим, делиться они этими мыслями друг с другом не собирались.

Милана грела пальцы, успевшие замерзнуть по пути от теплого салона машины к уютному залу кафе, о картонный стаканчик с кофе, Михаил же с выражением вселенской задумчивости на лице пил зеленый чай.

Через чистый стеклопакет пластикового окна большого размера с рольставнями, поднятыми на данный момент, Милана старательно пыталась разглядеть то место, в которое они упорно ехали, преодолевая километр за километром, не останавливаясь по пустякам в городах, которые либо быстро проезжали, либо вообще миновали по объездной трассе. Этим они значительно экономили время и силы, которые неизбежно были бы потрачены в многочасовых пробках, ставших традиционными во многих городах – миллионниках, с прежним уровнем дорожного устройства.

- Первый раз к нам? – вывела из задумчивости единственных посетителей официантка.

- К вам, это куда? – резковато спросила Милана.

Она не сильно любила разговоры с малознакомыми людьми, которые явно не располагали к общению, а девушка

была именно такой, разговор с которой лучше бы сократить до минимума, если не исключить вообще. Тем не менее, ее грубость осталась незамеченной.

- О, я живу в городе, а работаю здесь, тут и платят больше, и работа интереснее. - Пояснила как ни в чем не бывало девушка и продолжила. - Неудачное время выбрали для путешествия.

- Информативно, - Милана закусила губу, чтобы не пояснить, что такие познания о жизни чужого человека им обоим абсолютно не нужны.

- Нет, не первый, но уже давно тут не были, - постарался сгладить грубость своей спутницы Михаил. – Что-то изменилось?

Милана закатила глаза, предчувствуя зарождение диалога, которому была не рада. Не то чтобы она была невоспитанна и груба, но настроения не было никакого, тем более, для общения со скучающей девушкой, с интересом на них косящейся.

- В нашем захолустье ничего не меняется, - с довольным видом ответила официантка, на бейджике на груди которой красовалось имя, по всей вероятности ее, Наталья. – Тот же мэр, те же дома, те же горы. Хотя сейчас строить стали, много строить. Но это для таких как вы.

- Для таких, как мы? – не понял Михаил. – Это для каких таких?

- Ну, для богатеньких, - без стеснения пояснила Наталья.

- А состояние банковского счета что, теперь на лице прописывается? – не выдержала и опять съязвила Милана.

- Отчего же на лице, - не смутилась девушка, - вот часики как у вас я только на картинке видела в глянцевом журнале, и одежда тоже не простая, и украшения. И, извините, машина. Машина же ваша?

- В кредит взяли на 50 лет, буркнула Милана в ответ, удивляясь непосредственности чужого человека.

Неожиданный вопрос, повлекший за собой перемену темы, отвлек Милану от созерцания колечка из белого золота с натуральными драгоценными камнями, с которым она никогда не расставалась, лишь только иногда давая ему «отдохнуть». Серьги ему в комплект, но очень демократичные, с гвоздиками в дополнительных двух дырках в левом ухе. Помимо этого еще была тонкая серебряная полоска, кольцо, которому было лет девять. Куплено оно было в церкви и подарено мамой на какой-то из праздников. В церковь Милана ходить перестала, но единственное напоминание о матери оставила.

Девушка перевела взгляд на машину, в которой они сюда приехали, и опять удержалась от колкого замечания. Конечно, среди фур их внедорожник смотрелся весьма сиротливо, но точно не соответствовал финансовым возможностям рядовых граждан, да и иногородний номер выдавал в нем чужеземного пришельца. Михаил аккуратно двинул своей ногой под столом по ноге Миланы, уговаривая тем самым сдер-

жаться, и не нападать на любознательную официантку.

- Наша, - миролюбиво кивнул он, косясь на спутницу.

- Хорошая, - одобрительно кивнула девушка со знанием дела. – Только на таких по нашим дорогам и ездить.

- А что с дорогами? – вежливо поинтересовался мужчина, чем заслужил ответный и весьма ощутимый ответный пинок под столом.

- Дрянь, а не дороги, - прокомментировала состояние дорожных полос города Наталья. – В Зимбабве и то лучше.

Она поразила Милану своими географическими познаниями.

- Оу, вы бывали в Зимбабве?

Наталья на мгновение остолбенела, а затем ее лицо залилось краской.

- Нет, - она начала с неприкрытой враждебностью смотреть на девушку, та в свою очередь довольно улыбалась с видом сожравшего полбанки сметаны кота.

- Прошу меня извинить, просто вы с таким знанием говорили о дорогах в этом африканском государстве, что я просто не могла не проявить своего любопытства.

- В интернете видела, - официантка явно жалела, что уже подала посетителям еду до того, как плюнула в тарелку одной раздражающей особе.

Милана же наоборот такому положению дел крайне обрадовалась, у нее возникло справедливое опасение, что если бы заказ еще готовился, Наталья непременно бы плюнула в

ее тарелку.

Михаил переводил взгляд с одной девушки на другую, испытывая неловкость. Он тяжело вздохнул и положил деньги на стол, по размеру сумма превосходила заказ в два раза. Вежливо попрощавшись, он встал и направился на улицу. Милане не оставалось ничего другого, кроме как захватить с собой стаканчик с недопитым кофе, отсалютовать обозленной официантке и выскочить за своим спутником из кафе.

- Я уже была готова внутренне к информации об отсутствии тут интернета… и сотовой связи… - уже на улице буркнула в спину мужчине Милана

- Угу, а еще они живут в пещере, одеваются в шкуры и не чистят зубы. Пусть не большой, но это все же развитый город, и я не понимаю твое желание так понизить его рейтинг. Ты что сегодня такая агрессивная? Официантку ни за что облаяла.

- Лают собаки.

- Хорошо, - начал звереть Михаил. – Ты была груба с ней, излишне.

- Действительно, ни за что нагрубила, - кивнула Милана. – Назовем это мерами предосторожности. Так сказать, адекватное применение силы. Я высадила свои войска на территорию предполагаемого врага.

- Прекрати паясничать, - одернул он свою спутницу.

- Есть, не паясничать.

- Как сейчас втащу.

- Лучше бы без рукоприкладства.

- Это почему?

- Если не можешь подобрать нужных слов, лучше свернуть дискуссию, а переход к силовым мерам – недопустим в цивилизованном мире.

- Словесный понос?

- Привычка, извини, - на этот раз раскаяние было искренним.

- Проехали. Так о какой опасности ты говоришь?

- Для меня, самой страшной. Ты – молодой интеллигентный и крайне привлекательный мужчина, она – явно, по меркам провинции, засидевшаяся в незамужнем состоянии мадам, и ее, опять таки же явно, гнетет это состояние. И, я хочу, чтобы ты знал мое мнение, вы – не пара. Я никогда не благословлю ваш союз.

Милана явно дурачилась, Михаил с недоверием смотрел на свою спутницу, опасаясь за ее возможность мыслить здраво.

- Ладно, к шуткам ты, как я вижу, не расположен, - тяжело вздохнула Милана и, скомкав пустой стаканчик, бросила его в мусорный контейнер. – Нормальная она девушка, наверняка хорошая. Отзывчивая, неиспорченная, с верой в то, что все такие. Это редкость в наши дни. Но, во-первых, ей не помешает маленькая встряска, и она, заметь, показала коготки, а во-вторых, в связи с тем, что мы с тобой едем в город, в котором она живет и имеет знакомства, то она быстро

пустит слух о том, что с тобой едет явно неадекватная особа, лишенная чувства меры. И начнет мадам это прямо сейчас, и поверь, мне за мое поведение достанется по первую пятницу в их разговоре. Так что, считай, я спасла тебя от посягательств на твою честь и добродетель, не жалея самое себя и свою репутацию. Ты мне благодарен?

- Безмерно, - фыркнул Михаил, заняв свое место за рулем, и, дождавшись, пока девушка щелкнет карабином ремня безопасности, выехал на трассу. – Ты говоришь так, как будто мы едем в деревню на 15 домов.

- Не слышу искренности, - подозрительно прищурилась Милана.

- Мерси, говорю, - съязвил он вновь, но одобрительно подмигнул ей.

- Паром отходит три раза в сутки, - сменил тему мужчина, - первый, отсюда, в восемь, в обед и вечером в двадцать ноль-ноль.

Милана посмотрела на светящиеся цифры на приборной панели, Михаил проследил за ее взглядом и согласно пояснил.

- Да, да. Если повезет, то уже через сорок минут мы будем бороздить водные просторы родины. Если не успеем, придется на ночлег оставаться в прибрежной деревушке.

- Не хочу в деревушке, - наотрез отказалась, привыкшая к благам цивилизации, Милана.

- Не хочешь, не будем, - не стал настаивать он.

Девушка краем глаз увидела, что стрелка спидометра начала подниматься выше, но страха не появилось, к скорости она относилась положительно, но только в том случае, когда руль был в руках и профессионала. Возможно, такое пренебрежение безопасностью объяснялось отсутствием детей, с появлением которых женщина становится по большей части мнительной и подозрительной, превращаясь в страшного зверя. Свои размышления на эту тему девушка прервала, взглянув на Михаила, который с тоской смотрел на пейзаж впереди себя, на проносившиеся мимо деревья и оголенные, исписанные недалекими во всех отношениях молодыми людьми, всячески желающими остаться в памяти народов записям типа «тут был Петя».

Сердце Миланы дрогнуло от жалости. Кроме как перед ней, он ни перед кем не снимал броню уверенного и успешного человека, у которого все под контролем, который идет по этому миру ничего не боясь, расправив плечи и выпрямив свободную спину, которую не нужно подобострастно гнуть. Но даже с ней он редко раскрывался, предпочитая давать девушке спокойную атмосферу защищенности и комфорта. Чтобы перечислить случаи срывов, вполне хватило бы пальцев одной руки.

Маленькая и теплая ладошка легла ем на плечо и легонько его сжала, стараясь передать часть своей силы и неутомимой энергии мужчине, чтобы тому стало хоть на мгновение легче. Чтобы та тяжелая и темная волна воспоминаний не

заставила его согнуть спину.

Обещание Михаил выполнил в точности. На паром, уже готовящийся к отправке, они успели за три минуты до нужного времени.

Несмотря на то, что рейсов больше сегодня не предвиделось, пассажиров было не много. Кроме них самих стояли еще четыре машины, с районными номерами, остальное место, на котором бы вольготно расположилось еще машин пятнадцать, пустовало. Так же были пассажиры без личного транспорта.

Медленно, вальяжно они пересекли широкую реку и оказались на противоположном берегу.

- Миш, - неожиданно для самой себя проявила деликатное любопытство Милана. – А как сюда официантка попадет, если паром последний?

На этот вопрос ответил капитан, оказавшийся в этот момент рядом, и слышавший девушку. Как оказалось, такое расписание в основе своей составлялось для автовладельцев. Для рядовых граждан предназначался катер, который и ходил быстрее, и собирал народ чаще. На берегу стоял автобус, который ждал прибывших и довозил их да города по дороге через горы. Милана сочла это очень удобным, хотя в слух ничего не сказала.

А вот горы тут были везде. Это девушка заметила еще не пароме, как и то, что на берегу для причала отводился очень маленький участок земли и песка. Это углубление идеально

подходило для высадки пассажиров, потому как дальше на много сотен метров в обе стороны практически вплотную к воде располагалась горная цепь. Честно признаться, Милана даже не видела того участка гор, где можно было бы еще приткнуться парому.

Девушка беспрестанно крутила головой во все стороны, не переставая удивляться архитектурной задумке и эстетическому вкусу природы в тот день, когда она создавала этот участок земли. Милана даже на какой-то момент почувствовала себя ребенком, которого первый раз в жизни вывели на улицу. Такое буйство хвойной зелени и красоту горных вершин среднестатистический человек видел только на экране телевизора или мониторе компьютера, заросшие плесенью и покрытые пылью в своих каменных джунглях.

- Красиво, правда? – задал Михаил абсолютно нелепый в данной ситуации вопрос, следя за реакцией девушки.

- А ты еще меня пускать не хотел. - Укоряющее проговорила Милана, не глядя на спутника, неотрывно всматриваясь в чистое небо над головой. – Где бы я еще такое увидела?

- Даже и не знаю, в Испании тоже нечто типа такого мы видели.

- Нет, в там чужое, а здесь своя красота, родная, - по-детски отреагировала Милана.

- Бесспорно, - засмеялся мужчина. – Вон там корабельные сосны.

Он махнул рукой на крепкие стволы деревьев. Но Милана

только отмахнулась, жестом говоря «знаю».

- Ты только посмотри, а здесь никакой наскальной живописи современников.

- Не думаю, что так уж много желающих сюда ездить. Обычно приезжающие – те, кто здесь уже не в первый раз, четко знают, зачем едут: рыбачить, охотиться, отдыхать на природе с семьей, а такие обычно не пакостят, взрослые люди, знающие, что нужно беречь то, где ты живешь.

- Какие мы умные…

- Сам не знаю, откуда это у меня, наверно, заразился от кого-то, воздушно-капельным путем. Но, хоть убей, не знаю от кого.

- Какие мы остроумные…

- И не говори.

- И не буду.

Какое-то время они ехали молча.

- Странно, почему люди отсюда уезжают… - задала вполне логичный вопрос Милана.

- Город не развит, - серьезно ответил Михаил, - ничего не строится, уровень медицины и образования на нуле, рабочих мест мало, низкая зарплата… в общем, негативных факторов хоть отбавляй. И так много где, не только в этом городе.

- Ну, это же можно как-то исправить.

- Попробуем, - не стал ничего обещать мужчина, но девушка знала точно, что он сделает все возможное, чтобы город засиял всеми красками. – Но сначала решим первичную

проблему. Это для меня сейчас главнее.

- Я помню, - поморщилась Милана.

Она откинулась на спинку сидения, продолжив процесс культурно-духовного созерцания. Вот уж чего не увидишь в средней полосе России, и уж тем более, в Европе, хотя и там, и там есть свои прелести, не меньшей красоты.

Двигаясь по узкой двухполосной дороге, буквально прорезанной между двумя скалами, они быстро выехали на равнину, где закончились, казалось, бесконечные подъемы и спуски, от которых закладывало уши. Дорога их порадовала, достаточно приличный асфальт проводил их к уже лесной дороге.

- И почему официантка сказала, что дороги плохие. Очень даже все прилично, - заметила Милана.

Но и она удрученно замолчала, когда они вывернули за поворот и попали на разбитую поверхность, отдаленно напоминающую трассу. Язык не поворачивался назвать это дорогой.

Внедорожник потрясывало и подбрасывало, вопреки своим предпочтениям, Михаил сбросил скорость, чтобы не разбивать подвеску.

- Надеюсь, город скоро, - клацнула зубами девушка на очередном ухабе. – Долго я так не выдержу.

Михаил посмотрел на навигатор, который по какой-то необъяснимой причине отказывался работать в полную силу, и прикинул расстояние и скорость, с которой они сейчас

передвигались.

- Надеюсь, что не больше сорока минут еще потрясемся, и мы въедем в зону города.

- Зону? – не поняла Милана.

- Технически, мы уже будем в городе, а дома появятся еще не скоро, хотя, может что-то уже и изменилось. Вряд ли, конечно, ну да вдруг.

Милана в очередной раз подивилась способности мужчины четко определять и планировать время, потому как практически в установленный срок, они действительно проехали под большим сооружением с названием города, вскоре появились и первые дома сталинской постройки.

По большей части здесь встречались одноэтажные дома с небольшими прилегающими участками соток на шесть – восемь, иногда появлялись и трехэтажные дома с уютными двориками.

Благодаря навигатору, который перестал барахлить сразу же, как они заехали в населенную местность, Михаил с легкостью ориентировался в улочках и проспектах, что позволило им быстро преодолеть оставшееся расстояние до гостиницы. На парковке уже стояло несколько машин с номером региона таким же, как и у них самих.

- Ребята здесь, - довольно кивнул мужчина, лицо путешественника сменилось холодным выражением лица бизнесмена. – Ты пока обустройся, а я займусь делами.

- Номера разные? – уточнила Милана.

- Конечно, - как само собой разумеющееся прокомментировал Михаил.

- Ну и славно, может, все же отдохнешь сначала?

- Лучше сначала разберусь с бумагами, а вот потом можно будет и отдохнуть…

Они вышли из машины и вдохнули свежий воздух города, изменившего их жизнь однажды.

Хищник прибыл в свои угодья, вот только он даже представить себе не мог, что может тут столкнуться с первобытным и сильным противником, уже развернувшимся на исконно своих угодьях.

Глава 6

- Значит, ты утверждаешь, что паниковать рано? – буркнул оперативник своему товарищу, ежась под ночным пронизывающим ветром.

- Нет, сейчас уже поздно, - нехотя признал Миронов, хорошее настроение так и не пришло к нему. Да и откуда бы ему взяться…

Да… двойное убийство – не лучший повод для веселья.

- Известно, кто они? – спросил майор у опера.

- Одна – официантка из придорожного кафе за берегом.

- Там же Наташка, - перебил следователь мужчину.

- Эта недавно там работает, сменщица Натальи, сегодня была не ее смена, отдыхала со второй жертвой в соседнем городе.

- Далековато их занесло для отдыха…

- Там с наркотой проще, что ни говори, а в маленьком городе есть свои преимущества.

- Конечно, но только в том случае, если абсолютное большинство в нем здоровые люди, - не поддержал энтузиазма друга Георгий Степанович.

- Угу, - промычал опер, соглашаясь, и продолжил. – Вторая – подруга. Возвращались с вечернего парома, пешком.

- Смелое решение. И безрассудное.

- Георгий Степанович, - обратился официально мужчина к человеку, которого уже лет пятнадцать считал своим другом, - они просто не влезли в маршрутку, а вторую ждать вместе с остальными пассажирами отказались, пошли пешком, предположив, что это безопасно. Сам знаешь, раньше на дорогах у нас сильно не баловали.

- Намекаешь, Олег, что нужно было на весь город возвестить о наличии у нас психопата убийцы? И как бы это выглядело? Дорогие граждане, - загундосил следователь, - помимо убийцы детей в нашем чудном, милом городишке появился еще один, который убивает молодых женщин, примите меры предосторожности. Так что ли?

- Не самый плохой вариант, - не поддался давлению Статных, поморщившись. – Но текст обращения я бы немного откорректировал.

Оба они разговаривали, отойдя на несколько шагов в сторону от места, где свидетель нашел два тела. В ту сторону, где

суетились другие работники правоохранительных органов с фотоаппаратами и прочим, старались не смотреть. Для маленького города с отрицательным приростом населения, полиция не привыкла к преступлениям подобного рода. И тем более, в голове у них с трудом укладывалось, что в городе, где они родились, выросли и сделали карьеру в органах, по всему обещающей пойти в рост и в дальнейшем, живет человек, для которого чужая жизнь не просто недорога, а еще и повод для развлечения. Потому как от своих действий он явно получал удовольствие, ну не может, просто не может нормальный человек так поступать. Но сейчас прослеживалась система, а система может быть только у думающего человека, а для думающего человека любое действие должно быть замотивировано.

Не по себе было еще и от того, что совсем недавно они передали в руки прокуратуры не менее страшное дело, и эти два преступления, объединенных по характеру, так же грозились перейти под юрисдикцию этого органа.

- Похоже, - проговорил опер глядя в даль, - теперь именно это, только другими словами, сухо и неэмоционально, наша пресслужба будет передавать населению в утренних новостях.

- Может, еще удастся потянуть с таким сообщением, - мечтательно протянул следователь, представляя себе, что им удалось-таки утаить от общественности эти преступления.

- Это было бы прекрасно, только вот, товарищ майор, вон

там, - кивнул Олег Иванович в сторону, слегка освещенную уличными фонарями, - стервятники уже прилетели, и кружат, кружат… кружат…

- Я с первого раза понял, - одернул Геннадий Степанович опера.

Мужчина посмотрел в указанном направлении и с тоской вздохнул. Там, за ограждением, действительно уже стоял фургончик с яркой и узнаваемой даже с такого расстояния, эмблемой местного телеканала.

- И когда они все успевают? – с завистью спросил оперативник.

- Надеюсь, вопрос риторический, и ты не ждешь, что я тебе сейчас на него отвечу.

- Было бы не плохо, я именно на это и рассчитывал.

- Тогда, отвечу. Не знаю, Олег. Надеюсь только на то, что однажды, в не самый лучший день для нас с тобой, эти люди не оказались на месте преступления раньше нас, причем, значительно раньше нас.

- Это уж как-то совсем пессимистично.

- В реалии нашего времени, это реалистично.

Статных не стал углубляться в эту тему, а только наблюдал вместе с Мироновым, как сержант на воротах у входа на кладбище старательно перегораживает дорогу прибывшим репортеру и оператору, которые настойчиво пытались пробиться через ограду. Как ни старались эти двое, прорваться через сержанта, глыбой загородившего проход, было просто

не реально.

Еще раз вздохнув, и понаблюдав с минуту это забавное зрелище, они с неохотой повернулись к могиле, на которой, еще час назад тесно обнявшись, лежали два тела. Называть их как-то по-другому, не поворачивался язык. Криминалисты уже заканчивали с ними и осмотром места, на котором лежали девушки, их уже запаковывали в плотные черные мешки, чтобы увезти их отсюда и отдать в руки патологоанатома, который уже закончит с ними.

Статных Олег Иванович совсем недавно получил майора, на год позднее своего друга, служил в полиции уже очень давно, был человеком опытным, умным, но даже он смотрел на все это скрепя сердце, и с великой неохотой звонил своему другу и коллеге, который вел дело об убийстве девушки у ночного клуба.

Телефонный разговор представлял собой нечто следующее:

- Степаныч, привет, не разбудил?

- Нет, конечно, время то всего нечего три часа ночи. Я в это время никогда не сплю, ты же знаешь, - сонно пробормотал в трубку следователь.

- Конечно, знаю, потому и звоню тебе сейчас.

- Хорош развлекаться, что хотел?

- Да, вот думаю, мне нечем заняться, ты все равно уже не спишь, может проедемся по ночному городу, завернем куда-нибудь за город.

- Конечно же, у меня ж других дел ночью нет, кроме как кругаля с тобой наматывать. Спи иди, сегодня не наша смена.

- Смена, может и не наша, а вот дела наши. Ты ж даже не спросишь, куда я тебя именно хочу свозить.

- Так, Олег, ты что со мной в угадайки играешь, ночь, я сплю, если хочешь что-то сказать, говори сейчас, иначе, извини, я отключу телефон и преспокойно лягу спать дальше.

- На работу, - не стал сговорчивее Статных.

- Не, на работу не пойду. Еще предложения есть?

- По бабам ты со мной не пойдешь, пить тоже, так что, на работу. Хочу тебе кое что показать.

- Заинтриговал-то как… ну и чем ты меня удивишь на этот раз?

- Два трупа.

- Где? – сон с майора сняло как рукой, Олег Иванович явственно слышал, как звякнула пряжка ремня. Похоже, Миронов предпочитал оставлять брюки рядом с кроватью.

- На кладбище.

- Ты с ума сошел? – разозлился мужчина. – Я знаю, что там есть трупы, и не два, а больше, и все они разной свежести. Ты до утра со своими шуточками подождать не мог?!

- Разница в том, что эти два появились там часов пять назад, минуя службу ритуальных услуг и ритуал погребения.

- Одеваюсь.

- Жду у подъезда.

- Ты уже тут что ли?

- Да, ты же свою машину в сервис отогнал. Я помню, вот и решил захватить.

- Спасибо.

Следователь на скорую руку оделся, достаточно спортивно, не подчинившись своему обычному правилу о том, что на работе нужно придерживаться прилично делового стиля. Джемпер, джинсы, куртка, кроссовки, все то, в чем он обычно ездит на отдых.

Когда Миронов загрузился в машину, от него пахло кофе. Похоже, его жена повела себя как хорошая спутница жизни, как в прочем и всегда. Эта женщина терпеливо сносила задержки мужа на работе, звонки среди ночи и другие раздражающие элементы, присущие его работе, не пытаясь найти им какого-то иного оправдания, нежели «работа». Он, в свою очередь, никогда не давал повода усомниться в своей верности.

- Алена тебе кофе передала, - протянул Геннадий Степанович пол-литровый термос другу.

- Обожаю твою жену.

- Я все же ее супруг, причем очень ревнивый.

- Друг мой, во мне говорить только зависть.

- Так в чем проблема, прекрати свои мучения, женись.

- Не, я так не могу, ты ж мне все же друг, не могу я от тебя жену уводить. А где ж я такую как Аленка найду?

- Ты хоть искал?

- Не очень активно, - не стал спорить тот.

- Понятно, так что там у нас на кладбище?

- Все хорошо на кладбище, тихо, спокойно, все по местам лежат, никто по территории не шатался.

- Я только что встал, половина четвертого утра… - напомнил свое положение Миронов.

- Хорошо, по форме постараюсь. Два тела, оба женские, состояние непрезентабельное, есть ожоги. Сам догадаешься, в какой форме.

- Только не это, - эти три слова были единственными литературными из недолгого монолога следователя.

- Вот то же самое я и подумал, когда прибыл на место, - терпеливо выслушал сложившееся в связи с ситуацией мнение друга.

Меньше, чем через полчаса, а именно столько понадобилось Статных для того, чтобы доехать до кладбища, следователь смог с телефона посмотреть фотографии тел, сам убедиться в словах друга и коллеги. К своему огромному сожалению, ему пришлось признать его полню правоту: эти два убийства полностью сходились по подчерку с предыдущим, это было видно даже без какого-то специального оборудования. Помимо телесных повреждений различной степени тяжести, нанесенных пусть с небольшим, но все же подобранных с разнообразием предметов, используемых убийцей, имел место и багровый ожег с расплывшимися границами.

- Лучше, конечно, скажут медики, - постарался абстрагироваться от ситуации Миронов и не оставить тут же свой ужин, - но стиль все тот же, только вот в данном случае он явно действовал обстоятельно.

- Я тоже считаю, что их убили не здесь. Сам посмотри, тут крови должно было быть как на бойне, к тому же, пока он развлекался с одной, вторая должна где-то быть привязана. Если она не обездвижена, то хоть какие-то следы пребывания должны быть. Так что, без вариантов. Их сюда привезли, только вот откуда?

- Значит, теперь он отлавливает их, отвозит куда-то, расправляется там, а сюда привозит уже мертвые тела. Так думаю, надеялся, что не скоро найдут. Кладбище старое, редко кто приходит, в основном люди пожилые, им не до прогулок…

- А кому до прогулок? – удивился опер.

- Люди разные бывают. Кому-то и нравится побродить в тишине.

- Никто не докучает разговорами… - мечтательно продолжил Олег Иванович, - не наезжает за невыполненные сроки…

- Что, на выходные хочешь тут посидеть?

- Я подумаю.

- Одевайся тогда теплее, место продуваемое, холодное… никто не дышит…

- Приму к сведению. Кстати, у нас нет недостатка в сви-

детелях, - обвел опер руками могильные просторы.

- Только вот из них и слова не вытянешь. И в суд они, если что не пойдут, и на опознание. Причем чисто по эстетическим причинам.

Черный юмор помогал продержаться в эту ночь.

- У нас и говорящий свидетель есть, правда, тоже с душком. - Вернулся к преступлению опер.

- Да неужто? И какого рода ты имеешь в виду запах.

- Спиртяжный. Пьет мужик, практически не просыхая, но с его работой это ему простительно.

- Сторож что ли? – догадался Георгий Степанович.

- Он самый. Причем протрезвел в раз. Заново накачаться еще не успел, так что, опросить я его смог. Шевеление и движение было им замечено в западном районе кладбища около часа ночи.

- А сейчас он в каком состоянии?

- В заспиртованном.

- И что это дитя зеленого змия видел?

- Это и увидел, - махнул рукой на могилу Олег Иванович.

- А про какое движение и шевеление ты говоришь?

- Говорит, сначала увидел большую фигуру, испугался, пошел за ружьем. Бормотал что-то про снежного человека, который из-за голодухи вылез осенью из леса. Понял, что ошибся, когда вернулся на аллею уже с ружом, - опер сознательно коверкнул слово. – Человек, а даже у нашего сторожа хватило зрения увидеть, что это не нечисть, уже исчез с тер-

ритории кладбища, потом заработал двигатель автомобиля, и вдоль того забора по объездной проехала машина.

- А йети у нас на машинах не ездят, - прокомментировал следователь.

- Ну, как-то не привелось.

- Марка, номер? – вернулся от шутливого к серьезному тону Георгий Степанович.

- Окстись, майор. Ты хоть что-то видишь там?

Следователь проследил за рукой Статных в сторону западного забора и тяжело вздохнул. В темноте и с такого расстояния можно было разглядеть только силуэт, и то, очень приблизительно.

- Вот-вот, - понимающе кивнул опер, продолжая свою мысль. – А ты, между прочим, регулярно медкомиссию проходишь, зрение приличное. Так что ты учти, что мы имеем дело с глубоко пожилым человеком, прикладывающимся к бутылке, ведущему антиздоровый образ жизни и прочее, прочее, прочее…хоть он на зрение и не жалуется, но у меня есть опасения, что оно все же не лучше, чем у тебя.

- И камер тут конечно же нет.

- Естественно. Они и в городе то не везде стоят, а ты про кладбище на окраине говоришь. Единственное, что он, то есть сторож, может точно сказать, так это то, что машина явно была не легковая. Большой внедорожник. Расстояние от фар до земли было большое.

- Нахал, - констатировал следователь. – С включенными

арами ездить. После преступления то…

- Ничего предосудительно, - пожал плечами Статных.- На улице сейчас темно, а дорога у нас, сам знаешь, с преподвывертом. Безопаснее включить фары, ослепить предполагаемого свидетеля и поехать домой спать. Ночью здесь не многолюдно. Риска ноль.

- Сторож все же видел.

- Да ничего наш сторож по сути не видел. Только так, одни эмоции.

- А как он миновал сторожку? Понимаю, обратно. Без груза через забор здоровому физически человеку это легко сделать, а сюда он как пробирался?

- Все банально. Уже как два года в западной части забора большая дыра.

- И откуда это ты все знаешь?

- Я тут уже был.

- Без меня?

- Это ты сейчас просто удивился или еще и обиделся?

- Я пока не решил.

- Хотел удостовериться, что это не придавленные плитой вандалы. Сейчас же много любителей по этому делу.

- Благодарю за заботу.

- Не стоит.

Уже сидя в машине и морально готовясь к ночной смене, они разговорились и продолжили все ту же тему. Георгий Степанович, прекрасно понимая, что во всем этом есть под-

вох, но не понимал, где именно и, неловко себя чувствуя, задал мучивший его вопрос.

- А почему они в такой позе странной? Их так и нашли, или это уже кто-то повеселился?

- Не могу сказать точно. Есть только непроверенная информация, но те, кто их знают…

- И с кем ты успел поговорить из ее знакомых?

- Один из санитаров, которые увозили тела, пару раз отдыхал с ними в одной компании. Он и опознал тела. По документам, которые были при них, и которые я лично увидел раньше парня, его слова подтвердили.

- Так что там с ними? – уже начал догадываться следователь.

- Как бы это так по мягче сказать… они были больше, чем просто подругами, - довольно улыбнулся опер, радуясь тому, как он ловко смог описать непривычные отношения вполне приличными словами.

- В смысле? – Георгий Степанович поперхнулся.

-Да-да, ты все правильно понял. Любовь между ними переросла уже достаточно давно из платонической. И наш убийца не смог не подчеркнуть это. Пусть и вот таким своеобразным способом.

- О времена, о нравы, - продекламировал Миронов.

- Какие мы щепетильные.

- Это от недосыпа, а так я не ханжа. Кстати. Ты заметил, что рядом есть подготовленные могилы? В соседнем ряду.

- Заметил.

- Так делают только на кануне похорон.

- Именно, - согласился опер.

- Значит, либо он не заметил этого, либо наоборот.

- Заметил, и оставил на самом видном месте, но не смог удержаться от создания антуража из фильма ужасов?

- Почему бы и нет.

- Это рушит концепцию о том, что он теперь тщательно прячет трупы, оттягивая момент их нахождения.

- Не было у нас такой концепции, - поправил друга Миронов.

- Знаю, я ее сам только что придумал, и, между прочим, купался в лучах собственной сообразительности и логики.

- Прости, не хотел тебя ранить.

- С тебя пиво.

- Хорошо.

- Ящик.

- Ох, какие мы ранимые.

- Аккуратнее, ставки могут вырасти, и пиво заменится на коньяк.

- Умолкаю. Так вот, пропуская твои обиды, какой вывод мы можем сделать по поводу нашего маньяка?

- Он – псих.

- Глубокомысленно… еще?

- Мне показалось, или в твоих словах прозвучал сарказм?

- Показалось. Я абсолютно с тобой согласен.

- Ну, тогда ладно. Следующая мысль – выставляет преступления напоказ.

- Любуется собой, гордится. Почему?

- Нарцисс? – предположил Олег Иванович, пожав плечами.

- Не исключаю. Первый раз убил сильно нетрезвую, - начал Миронов.

- Теперь нетрадиционную пару, - поддержал мысль опер.

- Заметь, создавать такие пары у нас считаются неприемлемым.

- Везде.

- Где-то к ним относятся по-другому. Продолжаем тему. Такие пары являются с его точки зрения, и с точки зрения большинства рядовых граждан, одними из главных растлителей общества.

- Значит…

- Значит, - вновь тяжело вздохнул Миронов. – Мы можем предположить, что обнаружили мотив.

- И мы имеем дело с эгоистичным человеком с неуравновешенной психикой, возомнившим себя чистильщиком и санитаром общества, имеющего недвижимость для развлечения с жертвами и машину.

- Недвижимость точно в собственности, есть шанс даже за городом, в лесу или на стройке оказаться замеченным. Что ж, попробуем начать с базы, может и выкинет что-то похожее за последние годы.

- Сомневаюсь.

- Попробовать стоит. А потом будем и дальше думать.

Глава 7

Из сна девушку вывел резкая трель зазвонившего телефона. Не сразу поняв, что происходит, Марина испуганно села в кровати. Сделала она это поспешно, и голова тут же закружилась, от чего ясности мысли не добавилось. Только спустя несколько мгновений девушка поняла, что звонил стационарный телефон. Рядом в соседней комнате за стенкой спокойно спал муж, не обращая внимания на назойливую трель.

Реакция Марины на звонок стационарного телефона в этой квартире была сродни впечатлению, которое могли бы получить жители столицы, если бы на Красной площади вдруг появился мамонт, или еще какое-то вымершее животное. Им давно уже никто не пользовался, платили за него скорее по привычке, вместе со всеми коммунальными, поэтому и не отключил его еще никто. Жители квартиры давно перешли на мобильную связь. Тяжело пройдя к телефону, стоящему на тумбочке в коридоре, она щелкнула выключателем и зажмурилась от резкого и яркого света.

- Алло, - прохрипела в трубку Марина, приоткрыв один глаз.

- Марина, здравствуй, это Антон. Извини за поздний звонок.

- Скорее ранний, чего хотел? – не заботясь о вежливости,

буркнула девушка.

- Пытался до Макса дозвониться, а он трубку не берет. Ты бы не могла его разбудить?

- Плохо пытался, будить не буду. Сам справился.

Марина протянула трубку неслышно подошедшему супругу и, демонстративно безразлично поведя плечами, удалилась с грацией кошки в свою комнату, где, поплотнее укутавшись в бамбуковое одеяло, постаралась заснуть. Максим, проводив взглядом жену, дождался, когда она зайдет в комнату и щелкнул выключателем. Коридор погрузился во мрак. Сам он ушел на кухню и только там начал разговор.

Уснуть девушка сразу не смогла, так что волей неволей начала прислушиваться к телефонному разговору. Дверь на кухню отсутствовала, ее заменой была выделанная под старину арка, поэтому ей не пришлось даже сильно напрягать слух, чтобы услышать ту часть разговора, которая произносилась на кухне. Речь Антона пришлось додумывать, но для этого ей не хватало фантазии. А та малая часть воображения, которая все же присутствовала у Марины, не могла достроить фразы так, чтобы из них получился содержательный диалог. Максим отвечал очень сдержано. Тем не менее, ей вполне было достаточно его реакции. С каждой фразой звонившего, Рохманинов-младший становился все злее и агрессивнее.

Наконец, разговор двух друзей закончился, и мужчина прошел в свою комнату. Марина проворочалась в постели

минут пять, но, поняв, что любопытство не дает ей покоя, накинула одеяло (благо оно было очень легким) и вышла из своей комнаты. Путь был близкий, шла она прямо за соседнюю дверь, постучала и, получив разрешение, вошла. На пороге в нерешительности замерла.

Судя по всему, Максим и не собирался ложиться. Его силуэт застыл на фоне окна, подсвеченный огнями ночных улиц.

- Что случилось? – наконец задала она вопрос в широкую спину.

- Этот мир устроен так интересно, в нем каждую секунду что-то случается и что-то происходит.

Ответ был резким, но девушка решила не сдаваться.

- Зная особенности твоего характера, могу точно сказать, что тебя не интересуют голодающие дети в неразвитых странах, уменьшающаяся популяция амурских тигров иные глобальные вопросы.

- Я такой приземленный?

- Нет, это просто ты.

– Интересная аргументация. Попахивает логикой… женской.

- У женщин хоть какая-то логика, а про мужскую вообще говорить не принято.

- Иди спать, - устало вздохнул Максим, потеряв интерес к разговору.

- Если ничего не случилось, то почему Антон звонит в та-

кое время, да еще и добивается так старательно, на домашний телефон.

- Наши дела тебя касаются меньше всего. За то, что разбудили, извини.

- Конечно. Да и кто я такая, чтобы меня что-то касалось.

- Не передергивай и иди к себе.

Марина промолчала, постояла у двери и закрыла ее за собой, выйдя из комнаты. Никто из них не пожелал другому спокойной ночи, да и не было в этом необходимости. Это уже давно, годами отработанная привычка. Еще когда они спали в одной постели, каждый из них при появлении другого притворялись спящими, теперь они просто старались друг друга не замечать, что ж, Марину все в таком положении дел устраивало. В конце концов, меньше знаешь – крепче спишь, а спокойный сон для нее был событием редким и посему крайне ценимым.

В этот вечер девушка не стала нарушать традицию, как, впрочем, и всегда, и прошла в свою комнату. К слову сказать, уснула она быстро и крепко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.